

Ключ от Града на холме

Автор:

[Наталья Александрова](#)

Ключ от Града на холме

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

По легенде, казачий атаман Степан Разин за годы бунтов и мятежей награбил немало разного добра. Самоцветные камни, золотые монеты, дорогое оружие, кровью добытые, были спрятаны им в схроне, но не простом, а заговоренном, на три головы христианские заколдованном. Тот, кто первым отыщет клад и снимет наговор, получит смерть лютую. Тот, кто вторым придет за кладом и разгадает слова секретные, умрет в страшных муках. И лишь третьему удальцу этот клад откроется...

В наши дни профессор-историк Глеб Николаевич Сперанский незадолго до смерти передал своей лучшей ученице Иветте Сычевой записную книжку потомка Степана Разина с зашифрованным текстом. Удастся ли Иветте раскрыть секрет несметного разинского богатства?..

Ранее книга издавалась под названием «Волшебный город».

Наталья Александрова

Ключ от Града на холме

Вета нажала кнопку звонка и долго ждала у знакомой двери, она знала, что Мефодьевна ходит теперь небыстро, и не хотела зря торопить старуху.

Однако через положенное время за дверью не возникло никакого движения. Вета позвонила еще раз и приложила ухо к двери, хотя и знала, что дело это бесполезное – старая, но очень крепкая дубовая дверь не пропускала никаких звуков. Предлагали Глебу Николаевичу поставить новую железную дверь, он только посмеивался – эту, говорит, махину дубовую нипочем не вскроешь, только если топором рубить, так и то не всякий возьмет. И то верно, замки у него старые, чуть ли не довоенные, их простой отмычкой не откроешь.

Да что они там, уснули, что ли? Вета прекрасно знала, что они дома, говорила по телефону с Мефодьевной буквально час назад. Она стукнула в дверь ногой и еще раз позвонила. И вот наконец старушечий голос спросил не слишком приветливо:

– Кого еще принесло?

– Это я, Мефодьевна, Вета! – закричала Вета, старуха была туговата на ухо.

Загремели замки, недоверчиво лязгнул тяжеленный крюк, дверь нехотя отворилась.

– Чего кричишь? – спросила высокая худая старуха с седым пучком волос на затылке. – Не глухая, и так слышу.

– Здравствуйте, Анна Мефодьевна! – сказала Вета. – Как поживаете? Здоровье ваше как?

Это у них был такой ритуал. Вета всегда при встрече здоровалась и расспрашивала старуху о здоровье, а та никогда не отвечала. Так и сейчас, Мефодьевна только глянула остро и поджала губы.

Вета протянула ей пакет с продуктами – немного яблок, шоколадные конфеты, острый сыр, который любит Глеб Николаевич, а Мефодьевна не покупает из вредности. Она вообще считала всевозможные деликатесы баловством и признавала только простую пищу.

Старуха привычно отмахнулась – ни к чему, мол, твое приношение, не нищие мы. Однако пакет взяла, и Вета прекрасно знала, что, если она не принесет ничего,

Мефодьевна ее осудит.

У старухи был свой взгляд на вещи, взгляд устоявшийся и непримиримый. В дом нельзя приходить с пустыми руками, даже если пришел по делу.

Вета сняла туфли и прошла вперед по коридору.

– Тапки надень! – Старуха уже стояла перед ней, держа в руках огромные шлепанцы – покупала всегда больших размеров, чтобы всемгодились. – Руки вымой! – Снова старуха ловко забежала вперед и перехватила Вету перед дверью комнаты.

Ванная была просторная, все в этой квартире было большое – длинные коридоры, высокие потолки, широкие дверные проемы. Ванна была тоже огромная, как бассейн. Эмаль кое-где облупилась, но пол был чисто вымыт, и для рук висело крахмальное льняное полотенце удивительной белизны. Вета знала, что Мефодьевна не признает никаких новых порошков и кондиционеров, а по старинке кипятит белье на плите в огромном эмалированном баке.

– Как он сегодня? – спросила Вета, выходя из ванной.

– Чего спрашиваешь, сама сейчас увидишь... – Старуха пожала плечами и отвернулась, она не любила лишних слов.

– Кто там, Мефодьевна? – раздался старческий надтреснутый голос из комнаты. – Это Андрюша пришел?

– Это я, Глеб Николаевич. – Вета потянула на себя тяжелую дверь и вошла в комнату, в которой ее старый учитель профессор Сперанский проводил теперь все свое время.

Комната когда-то была кабинетом, профессор работал за этим огромным столом, крытым потертым зеленым сукном, в окружении высоких, под потолок, шкафов с книгами. Теперь стол был девственно чист, ни пылинки не было на нем, а раньше, Вета хорошо помнила, он был завален книгами и папками с рукописями, какими-то вырезками и выписками. Теперь же на столе стояли только старинная лампа с зеленым матовым стеклом на тяжелой бронзовой подставке да еще

бронзовое же пресс-папье, украшенное фигурой кудрявого пухленького мальчика, играющего с такой же кудрявой собачкой. Ни бумажки, ни ручки, ни карандаша, ни резинки. Ни очков...

Сердце привычно кольнуло от жалости. Как весело и шумно бывало в этом кабинете раньше! Как приветливо светила зеленая лампа, как радостно прыгали блики света на бронзе, как призывно блестели за стеклом корешки старых книг!

Профессор всегда разрешал пользоваться своей библиотекой, только в одном был строг: не разрешал выносить книги за пределы квартиры.

– Вам только дай, – беззлобно посмеивался он, – разнесете по томику. Потом кто-то забудет вернуть, потом даст почитать другу-товарищу... Ищи-свищи!

Поэтому у него в доме вечно торчали ученики и знакомые, которым нужно было поработать с монографиями и научными трудами, кто-то даже ночевал в одной из комнат огромной квартиры, несмотря на недовольство Мефодьевны.

Анна Мефодьевна жила в доме профессора с очень давних времен, во всяком случае, Вета всегда встречала ее в этой квартире, а они с Глебом Николаевичем знакомы... дай бог памяти... почти двадцать лет. Как пришла она нескладной первокурсницей в этот дом, так тут и прижилась. Ходила вместе со всеми и потом забегала изредка. А сейчас вот так случилось, что из бывших учеников ходит только она одна.

Скучает старик от одиночества и от вынужденного безделья. Потому что он неотвратимо слепнет. Потому-то и нет на столе никаких бумаг, что не видит он ничего. И Вету тоже не видит. Сам говорил, что вместо человеческого лица у него только светлое пятно. По голосу, конечно, различает людей, да еще Мефодьевну по шагам узнает.

А голова работает, еще как работает. Память у старика прекрасная, как увлечется да начнет рассказывать – заслушаешься! У него жизнь была интересная, со многими выдающимися учеными и писателями был близко знаком.

Потому-то Мефодьевна Вету и пускает к нему, что с Ветой старик о своем поговорит, от тяжелых дум отвлечется. А так все сидит в кресле да радио

слушает. Только по радио-то ничего хорошего не скажут. Вета ему диски с музыкой приносит и аудиокниги.

Глеб Николаевич сидел в своем любимом кресле и поднял голову на звук ее голоса. Лицо его, в последнее время слегка растерянное и беспомощное, сейчас осветилось улыбкой.

– Веточка? Заходи, дорогая, рад тебя видеть!

И фыркнул насмешливо, сам уловив парадокс в собственных словах. Вета в который раз поразились несправедливости. Острый ум, отличная память, огромная эрудиция заперты в этом слабом теле. Подвело самое главное – глаза, от этого Глеб Николаевич слабеет. Хоть возраст приличный – за восемьдесят, профессор был бодр и начал сдавать лет пять назад, после смерти жены. Детей у них не было, от дел он отошел, тут-то и подступило одиночество.

Сейчас Вета заметила вдруг, что профессор очень изменился. Даже с того раза, когда она была на прошлой неделе. Он как-то сгорбился и усох, голова его поникла, щеки отвисли.

«Ой как плохо!» – мелькнуло в голове.

– Что, не нравлюсь? – усмехнулся Глеб Николаевич, и Вета вспомнила, что профессор всегда отлично умел читать мысли своих студентов и сотрудников.

– Да что вы, – проямлила Вета, – вы сегодня хорошо выглядите...

– Ой-ой-ой! – сказал он. – Вот только мне и заботы, чтобы хорошо выглядеть. Чай, не девица красная! Ладно, Веточка моя сосновая, слушай, что скажу. Это важно.

Он вдруг вздохнул глубоко, с хрипом, и закашлялся. Вета вскочила, заметалась по комнате, тут вошла Мефодьевна и подала профессору прямо пахнувший отвар в большой кружке. Он отхлебнул большой глоток, потом еще один, посидел немного, прислушиваясь к себе, и затих. Мефодьевна приняла из его слабых рук чашку, строго взглянула на Вету и удалилась, не сказав ни слова.

– Сядь, – сказал Глеб Николаевич после некоторого молчания, – сядь вот тут, чтобы я тебя слышал. А сама молчи. Значит, пришло мне время умирать...

– Да что вы! – Вета снова вскочила, но была остановлена строгим окриком и села.

– Не перебивай уж, – буркнул профессор, – и так сил совсем немного осталось, приходится их беречь. Вынужден сообщить вам, Иветта Вячеславовна, что, приводя свои дела в порядок, решил я вам кое-что оставить на память, а именно...

– Да мне ничего не нужно... – вклинилась Вета.

– Не мешай! – былым лекторским голосом прорычал профессор. – Дай договорить! Ты мое положение знаешь, кроме племянника, некому оставлять. Это все... – профессор слабо махнул рукой, – ему и отойдет: квартира, мебель, еще кой-какое имущество. Андрюша – мальчик хороший, мы с женой его любили... опять же родственник, а родная кровь – это дело серьезное. Квартира по праву его. Ну, из мебели есть кое-что ценное, так что все не выбросят. А вот книги... Понимаешь, Андрей, конечно, мне родня, но вот женат он на такой... Впрочем, не мое это дело – жен чужих осуждать. Последнее дело. В общем, одно я знаю точно, как только его мадам сюда въедет – все книги на помойку вынесет тут же. Особо старинных да антикварных книг у меня немного, так она их продаст, да еще по дешевке, обманут ведь дуру жадную, вокруг пальца обведут. Жалко мне библиотеку, вот ничего не жалко, а книги жалко. А ты...

«А мне-то куда их девать?» – в панике подумала Вета.

– Знаю, что не можешь ты все домой взять, – тут же откликнулся на ее невысказанные мысли профессор, – так хоть пристрой их куда-нибудь. У меня монографии есть редкие, с дарственными надписями, их библиотеки возьмут.

Профессор много лет читал в университете курс русской истории, и книги у него были замечательные, по ним училось несколько поколений студентов.

Вета подумала, что она взваливает на себя непосильную задачу – пристроить в хорошие руки без малого пять тысяч книг. Это работа на год, а то и больше, и, учитывая, что у нее нет машины, работа вообще становится невыполнимой. Но отказаться нельзя, это же предсмертная просьба, она никогда потом себе этого

не простит.

– Я согласна. – Она постаралась, чтобы голос звучал по возможности твердо.

– А я и не сомневался, – улыбнулся профессор, – не зря мы с тобой столько лет знакомы. Ты, Веточка, возьми еще бумаги мои, там тебе для работы кое-что пригодится. Хотел сам книгу писать, да вот не успел... Хоть статья выйдет...

Вета резко отвернулась, закусив губу, хотя знала, что профессор все равно не увидит выражения ее лица. Надо же – «для работы»! Знал бы он, чем она сейчас занимается.

– В общем, знал я, что ты не подведешь! – говорил Глеб Николаевич. – Завещание заранее составил. Погляди там, в верхнем ящике стола, в черной папке.

Завещание лежало там – все честь по чести, заверенное нотариусом, с печатью и подписью.

Я, Сперанский Глеб Николаевич, – прочла Вета, – завещаю свое недвижимое имущество... квартиру со всем содержимым, кроме книг и рукописей... а также гараж по адресу... а также дачу в поселке Горьковское... а также свой вклад в Сбербанке Недотепову Андрею Васильевичу... Книги и рукописи, а также все бумаги завещаю Сычевой Иветте Вячеславовне.

– Вот так вот, – сказал профессор, – а сейчас самое главное на словах скажу. Я, Веточка, на старости лет такое узнал... Эх, если бы глаза не подвели! Так что...

Профессор вдруг вздохнул хрипло, взмахнул руками и закашлялся еще сильнее, чем в прошлый раз. Вета метнулась в коридор и столкнулась с Мефодьевной. Та стояла наготове с кружкой, от которой шел горячий пряный пар.

Профессор долго пил отвар и все никак не мог успокоиться. Вета вышла в коридор, повинувшись знаку Мефодьевны.

- Ты туда не ходи, - сказала старуха, выйдя наконец из кабинета. - Заснул он прямо в кресле. Слабый совсем стал.

- Давно у него кашель этот? - спросила Вета полупшепотом.

- Да уж с месяц, - тяжело вздохнула старуха, - нехороший такой кашель, уж я знаю...

- А врач что говорит?

- Да что врач... не хочет он врача вызывать... говорит, все равно конец скоро, - еще тяжелее вздохнула Мефодьевна. - Да и то сказать, разве врач от смерти поможет?

Вета невольно вздрогнула - до того буднично и просто прозвучали слова старухи.

- Чаю со мной выпей! - сказала Мефодьевна строго, и Вета не посмела отказаться, хотя давно надо было ей быть дома.

К чаю подавала Мефодьевна простые лепешки, а также мед и крыжовенное варенье. Варенье было из крупных ягод удивительного изумрудного цвета.

- Ну, - спросила старуха, выслушав без улыбки Ветино восхищение по поводу вкуса варенья, - послушала его волю? Возьмешь книги?

- А куда мне деваться? - беспомощно моргнула Вета. - Возьму...

- Не тревожься, добрые люди помогут, - сказала старуха, - а только прав он, эта племянникова жена точно все на помойку выбросит. Сам-то Андрей вроде бы и ничего человек, да только полностью у нее под каблуком. А уж эта-то...

Тут старуха замолчала, сообразив, что негоже ругать хозяев за спиной.

- А отчего же профессор вас в завещании не упомянул? - отважилась Вета на вопрос после продолжительного молчания. - Вы столько лет их семье верой и правдой служили...

– Обо мне не беспокойся! – оборвала ее старуха. – Меня в этой семье никогда не обижали. И сейчас не обидели. Был у нас с ним разговор еще давно, когда жена его умерла. Хотел он меня сюда, в эту квартиру, прописать, чтобы потом площадь мне отошла. Я отказалась – виданное ли дело, говорю, в жизни хозяйского добра не брала, а тут – целую квартиру мне! Пускай все будет честь по чести, что родным положено, то и останется. А мне много ли надо? Слава тебе господи, такие деньги платили в этом доме! Жила на всем готовом, на черный день кое-что отложила – до смерти хватит!

– А он что ответил, Глеб-то Николаевич? – полюбопытствовала Вета.

– А он... – Мефодьевна помедлила, чтобы подчеркнуть важность момента, – а он встал тогда, руку мою взял и поцеловал. А потом говорит: Анна, что же ты меня за скотину неблагодарную считаешь, что ли? Я, говорит, все, что ценного в доме, продам, все деньги с книжки сниму и тебе комнату куплю. Пресвятая Богородица, говорю, ни к чему мне комната эта! Если вас переживу, то уеду к сестре в деревню, там мне и место приготовлено на погосте рядом с родителями. А если я раньше уйду, то сам меня и похоронишь как положено. На том и порешили и больше к тому разговору не возвращались. Только прихожу раз в сберкассу, а там мне и говорят, что на ваше имя большущие деньги поступили, кто-то перевел со своего счета. Ну кто? Ясное дело, он, Глеб Николаич. Как хотел, так и распорядился, а в завещание меня не включил, чтобы с родственниками не собачиться.

Настал черед Веты тяжело вздыхать – ей-то придется иметь дело с племянником и его жадной женой. Хотя, может, книги ее не заинтересуют?

– Ты непременно заходи на днях, – на прощанье сказала Мефодьевна, – он тебе важное сказать не успел... Что-то там по твоему делу, история эта самая...

– Зайду, – сказала Вета уже с лестницы, – на той неделе зайду, после выходных...

Разумеется, она опоздала к семи часам, как было заведено в их семье. Это свекровь поставила такое условие: чтобы все непременно возвращались к строго определенному времени.

«Вы должны так организовать свой день, чтобы к семи непременно быть дома к общему ужину! – говорила она. – Это совсем нетрудно, надо только соблюдать некоторые простые правила, и тогда процесс пойдет как по маслу».

Слово «процесс» был самым употребляемым в ее речи. Уж в процессах-то она понимала, поскольку всю жизнь проработала технологом на пивном заводе имени Степана Разина.

«Я знаю производство изнутри! – говорила она. – Я на заводе прошла путь от простой заливщицы до главного технолога. И я твердо могу сказать: вся наша жизнь – это технологический процесс. И если относиться к ней правильно, как к процессу, то она будет протекать без сбоев и неприятных сюрпризов».

Голос у свекрови был громкий и звучный, слово «процесс» она произносила со вкусом, одновременно делая ударения на первом и на втором слоге и растягивая последнее «э». Она вообще очень любила букву «э», говорила не «музей» и «пионер», как все нормальные люди, а «музэй», «пионэр», «милиционэр».

Вета могла бы прочесть свекрови целую лекцию о том, почему она так говорит. Это явление в среде ученых-филологов называется «гиперурбанизм», то есть так говорят люди малообразованные, в основном пожилые, которые в свое время приехали из провинции и старались казаться городскими.

Но, разумеется, ей такое не приходило в голову – еще не хватало со свекровью связываться, себе дорожке обойдется. Она привыкла там, у себя на заводе, горлом брать, заводской гудок переорать может, где уж Вете с ней справиться.

Невестку свекровь звала всегда только полным именем, и опять-таки через «э» – Ивэтта. И ведь знает же прекрасно, как Вета ненавидит свое имя, которое дали ей родители, очевидно, впавшие после рождения дочери во временный маразм. Только ей наплевать на чувства других. Не волнуют ее чувства. Сказала же, что жизнь – это процесс, а какие могут быть чувства в процессе?

Надо отдать должное свекрови, к себе она относилась точно так же. Свой организм она регулярно подпитывала (ела четыре раза в день в строго определенное время), смазывала маслом и проводила текущую профилактику (пила лекарства и гуляла по три часа). Еще замеряла температуру, снимала

показания приборов и следила за уровнем чего-то там – все по инструкции.

Похоже, что такое отношение было правильным – в свои без малого семьдесят лет свекровь ничем не болела и была бодра и энергична. Однако богатый запас жизненных сил расходовала не на что-то полезное, а на то, чтобы воспитывать Вету и приучать ее к порядку. Своего сына она тоже пыталась приучить к порядку, но, по наблюдению Веты, не слишком в этом преуспела.

Итак, Вета вошла в квартиру, когда на часах, висевших в прихожей, было пятнадцать минут восьмого. Это свекровь повесила часы везде – в гостиной, на кухне, в прихожей, она говорила, что привыкла следить за временем. При ее работе каждая минута должна быть учтена. У Веты так и вертелось на языке язвительное замечание, что у них не завод и оттого, что они вовремя не поедят или в душе не помоются, пиво не скиснет. Но, как обычно, она удержалась.

Сейчас свекровь стояла напротив двери, сложив руки на груди, как Наполеон перед Ватерлоо, и молча смотрела на Вету испепеляющим взглядом. Впрочем, долго молчать она не умела.

– Добрый вечер! – сказала Вета и поскорее наклонилась, чтобы расстегнуть туфли.

В этом сезоне были модны туфли с перепонкой, застегивающейся на крупную пуговицу, Вета тоже купила себе такие, поскольку старые совсем разорвались.

– Я не понимаю! – заговорила свекровь, не ответив на приветствие. – Неужели так трудно выполнить простое условие – приходить домой вовремя? Ведь мы же договорились...

Вета хотела сказать, что она лично со свекровью ни о чем не договаривалась, ее просто не спросили. А если бы спросили, то не стали бы слушать ответа, поскольку ее вообще никогда не слушают. Но, как обычно, сдержалась.

– Маршрутка в аварию попала! – буркнула она первое, что пришло в голову.

– Нужно выходить с работы заранее, чтобы был запас времени! – не успокаивалась свекровь. – Не ходила ты, милая, через проходную никогда! Там

бы тебя быстро к дисциплине приучили, вкатили бы пару раз выговор, а там и до увольнения дело дошло бы! И уволили бы как пить дать, без права на работу!

- Где? - не выдержала Вета. - На пивном заводе? Так мне туда и не надо!

И тут же ужаснулась - что она делает? Свекровь начнет сейчас орать, а у нее, Веты, совсем нет сил на препирательства. Устала сегодня, да еще сердце щемит. Стоит перед глазами Глеб Николаевич - слабый, высохший, почти слепой...

Она распрямилась и поглядела свекрови в глаза, прикидывая, не бросить ли в нее железным рожком для обуви, если станет невтерпеж слушать ее крик.

Неизвестно, что подумала свекровь, может, прочтала в Ветиных глазах что-то для себя нелестное, но она промолчала. Вета так устала, что не успела удивиться по этому поводу. Она бросила сумку прямо на пол и пошла в комнату.

- Володечка звонил, - сказала свекровь ей в спину, - у него срочная работа, придет позже.

Вета встала как вкопанная. Вот как, муж тоже не пришел вовремя, а досталось, как всегда, ей, Вете.

- Будем ждать с ужином! - злорадно сказала свекровь. - Без него за стол не сядем!

Вета прислушалась к себе и поняла, что после чая у Мефодьевны и ее лепешек с дивным крыжовенным вареньем есть ей совсем не хочется. К тому же готовила свекровь отвратительно. Возможно, там, на пивном заводе, она и считалась отличным работником, но с процессом приготовления пищи определенно не справлялась.

- Как угодно! - сухо сказала Вета и скрылась в их с мужем комнате.

Там был обычный беспорядок, который оставляет после себя собирающийся на работу мужчина. Вета всегда воспринимала это философски - ну есть же на свете вещи, которые мы не можем изменить, стало быть, нужно смириться. Не

приходит же нам в голову, допустим, сетовать на ранние морозы или на дождливую осень. Нет, разумеется, мы недовольны, но не собираемся добиваться отмены дождей, устраивая митинги и демонстрации.

Сегодня же вид разбросанных по комнате носков и неубранной постели привел ее в раздражение. Сколько раз ведь просила мужа хотя бы постель застелить перед уходом! Знает ведь, что ее просто трясет от вида неубранной постели!

Вета наскоро подобрала разбросанные вещи и открыла форточку. Потом прилегла на кровать и неожиданно заснула.

Муж пришел около десяти вечера, она решила уже не вставать. Он долго ходил по комнате, громко скрипел дверцей шкафа, не гасил свет. Вета вспомнила, что хотела поговорить с ним серьезно, спросить, где он пропадает вечерами, но тяжелая дремота никак не отпускала, так что она покорила судьбе и отложила разговор на завтра.

Вета собиралась проведать Глеба Николаевича через день, потому что следующий вечер у нее был занят. И день тоже, так уж совпали ее основная и дополнительная работы.

Всякий раз, когда она начинала думать о работе, губы кривила грустная усмешка. А профессор Сперанский еще сберег для нее свои научные наработки. И так радовался – возьми, Веточка, тебе это очень поможет в работе...

Знал бы старик, чем она сейчас занимается!

Институт, где Вета трудилась после окончания университета младшим научным сотрудником, тихо загибался после перестройки. Вета успела собрать материал для диссертации, но, когда подошел срок защиты, ее научному руководителю неожиданно подвернулась годовичная командировка в Германию, Вету передали другому человеку, у которого были свои аспиранты, и он вовсе не горел желанием продвигать ее. В общем, время было упущено, на следующий год ее тему вообще не включили в план, потом сократили ее должность, и пришлось уволиться. В научные институты без степени брали только лаборанткой вовсе уж на грошовую зарплату. Вета пошла в школу учителем истории, причем опять-таки без связей и опыта ее взяли только в обычную среднюю школу,

расположенную в соседнем дворе. Выдержала она там три года и вспоминает это время с зубовным скрежетом и душевным трепетом.

За время работы в школе Вета познала жизнь во всех ее проявлениях, узнала, что такое толпа неуправляемых, совершенно диких подростков, видела, как умирает от передоза тринадцатилетняя девочка, с трудом отняла второклассника у четырех пьяных мерзавцев шестнадцати лет. Мальчик попал в больницу в шоковом состоянии, самой Вете наложили несколько швов. Да еще потом она едва не спустила с лестницы мамашу одного из четырех парней, которая явилась предлагать Вете деньги и угрожать расправой в случае неповиновения.

Тогда совершенно неожиданно помогла свекровь, она так разоралась, что соседи вызвали милицию.

В школе Вете приходилось работать кем придется. Взяли ее историком, однако старенькая литераторша вечно болела, так что Вета вполне сносно научилась раскрывать перед старшими учениками образ Наташи Ростовской и вдалбливать пятиклассникам правописание корней «кос – кас». Замещала Вета и географичку, у которой сын как-то сломал руку. Проводила с девочками урок домоводства – что-то они там шили, а Вета тем временем читала книжку.

После того случая с наложением швов Вета поняла, что терпение ее иссякло, и, несмотря на то что до конца года было еще далеко, написала заявление об уходе. А дальше начались изнурительные поиски работы. Школу Вета исключила сразу, а кому еще нужна выпускница исторического факультета?

В конце концов удалось устроиться в музей истории водопровода при Водоканале (все-таки по специальности!). И поскольку платили там очень мало, Вета занималась еще репетиторством – подтягивала школьников по русскому языку. Получалось это у нее неважно, уж больно дети попадались ленивые.

Два дня она крутилась как белка в колесе, потом наступили выходные, которые Вета провела дома, занимаясь хозяйством, после чего так устала, что позабыла о всех своих благих намерениях. Муж мелькал где-то рядом, но Вете никак не удавалось его отловить, чтобы побеседовать спокойно. То ему звонили, то свекровь вертелась поблизости, то по телевизору шли новости, а муж очень не любил, когда его отвлекают.

В понедельник ей на мобильный позвонила Мефодьевна.

- Что у вас? – вскинулась Вета. – Случилось что-нибудь?

Вета не слишком беспокоилась, поскольку старуха по просьбе профессора звонила ей и раньше.

- Случилось... – протянула старуха не своим, хриплым голосом.

- Я завтра зайду! – крикнула Вета по инерции, но тут же замолчала.

Горло перехватило, сердце колотилось о ребра сильно-сильно и, наверное, поэтому заболело.

- Уж теперь спешить некуда, – ответила Мефодьевна едва слышно, – умер Глебушка-то...

- Как? – вскрикнула Вета, но тут же опомнилась.

Ведь для нее не была неожиданностью такая весть, ведь она чувствовала еще в прошлую встречу, что с профессором все плохо, очень плохо. И вот не нашла времени, чтобы навестить его в последний раз, нет ей прощения!

- Умер он вчера рано утром, – монотонно говорила старуха. – Я «Скорую» вызвала, доктор сказал – сердце. Уж после его увезли. А сегодня эти заявятся, родственнички. Так ты уж приходи тоже, а то как бы чего не вышло. Ты – наследница, сама с ними и разбирайся.

- Буду к шести, – вздохнула Вета, поглядев на часы.

Снова она с болью в сердце звонила в знакомый звонок, только Мефодьевна на этот раз открыла сразу, как будто ждала за дверью.

Вета сразу же заметила, что старуха очень сдала, щеки ее ввалились, глаза смотрели не сурово, как обычно, а печально, опустошенно, растерянно. Еще бы,

ведь без малого сорок лет провела она в этой квартире, а теперь ей куда...

Вета не выдержала и ткнулась Мефодьевне в плечо, стараясь удержать подступившие слезы. Старуха не стала Вету голубить, она отстранилась, не резко, правда, но решительно.

– Там они уже, в кабинете, – прошептала Мефодьевна, и Вета поняла, что старуха советует ей не расслабляться перед родственниками покойного профессора Сперанского.

Сегодня Мефодьевна и тапочек не предложила, и руки мыть не заставила, и от этого до Веты наконец дошло, что ее учителя, человека, которого она любила и уважала много лет, уже нет на свете. От этой мысли стало так плохо, что Вета невольно остановилась, стараясь унять ноющее сердце.

Дверь в кабинет была открыта, чего в прежние времена не водилось. Комната выглядела чужой, потому, наверное, что любимое кресло профессора стояло пустым и голым, не было на нем ни подушки, ни пледа. Все дверцы шкафов и ящички стола были выдвинуты, вещи сдвинуты с привычных мест. И еще из комнаты на Вету одуряюще пахло резкими духами, так, что она едва не задохнулась.

По кабинету расхаживала энергичная высокая брюнетка в ядовито-малиновом костюме и таких же малиновых сапогах. Каблуки у сапог были такие тонкие и высокие, что их спокойно можно было использовать как холодное оружие.

– Здравствуйте, – сказала Вета тихо.

Брюнетка, которая как раз взяла в руки пресс-папье, резко повернулась и уронила бронзового кудрявого мальчика на пол. Вместе с такой же кудрявой собачкой. Вещь была тяжелая, и, разумеется, ничего с ней не случилось, только на паркете совсем рядом с острым носком малинового сапога осталась выбоина.

– Простите, – смутилась Вета, – я не хотела вас пугать...

Брюнетка внимательно обследовала сапог, убедилась, что с ним все в порядке, и только после этого перевела взгляд на Вету. Жесткие волосы ее были сколоты

на затылке большой малиновой заколкой с блестками и воинственно торчали в разные стороны. Глаза смотрели неприветливо. Не украшал лицо и длинный нос, загибающийся чуть вниз. И довершал картину большой рот с узкими губами, накрашенными опять-таки малиновой помадой.

«Слишком много малинового», – подумала Вета и постаралась, чтобы эта мысль не отразилась у нее на лице.

– Это еще кто? – спросила брюнетка, окинув Вету с ног до головы цепким взглядом и, надо полагать, мигом поставив оценку ее внешнему виду и одежде. Причем было ясно, что оценка – тройка, причем с минусом.

Что характерно, на приветствие Веты брюнетка отвечать не собиралась. Отчего это никто никогда на ее «здравствуйте» не скажет «добрый вечер» или хотя бы «привет»? Вета вздохнула и решила, что на этот вопрос она никогда не получит ответа.

– Ты ее знаешь? – спросила брюнетка, и Вета хотела возмутиться, с чего это она ей «тыкает», но поняла, что вопрос брюнетки относится вовсе не к ней.

Из-за шкафов показался невысокий потертый мужчина средних лет, худой и бледный, а может, так казалось из-за яркого малинового костюма брюнетки. Мужчина был в очках в серой непримечательной оправе, редящие волосы зачесаны к затылку.

Вета вспомнила, что ее ученики в школе называли таких ботаниками.

– Вы, наверное, Андрей? – спросила Вета. – Племянник Глеба Николаевича? Примите мои соболезнования в связи со смертью вашего дяди...

«Ботаник» молча наклонил голову и сделал шаг к Вете.

– Ничего не понимаю! – раздраженно заговорила брюнетка. – Вы из ЖЭКа, что ли? Так мы еще с бумагами не разбирались, еще и похорон не было! Эй, ты, кто там... Кирилловна! Отчего пускаешь в дом кого ни попадя?

– Мефодьевна я, – ответила возникшая на пороге старуха, – а это и не из ЖЭКа вовсе, и не с работы, а наследница, вроде как вы...

С этими словами старуха повернулась к племяннику, выразив мысль, что брюнетка-то наследницей не является и надо бы ей вести себя потише и поскромнее.

Но на племянникову жену слова эти подействовали как красная тряпка на быка.

– Что? – завопила она. – Какая еще наследница? Наследники тут мы! И это все наше! – Она взмахнула рукой. – И квартира, и мебель, и все вещи! А ты – пошла вон!

– Это вы мне? – Вета сперва попятилась от такой наглости, но злость придала ей силы: – А позвольте спросить, на каком основании вы тут распоряжаетесь? Разве вы уже опротестовали завещание?

– Диночка, – подал голос племянник, – подожди. Дядя Глеб мне что-то такое говорил...

– Так ты знал? – Брюнетка круто развернулась на месте так, что из-под каблуков едва не посыпались искры, и уставилась на мужа пронзительным прокурорским взглядом. – Ты сговорился со старым маразматиком за моей спиной?

– Молчать! – гаркнула Мефодьевна, прежде чем Вета успела поднять с пола бронзовое пресс-папье и бросить его в лицо ненавистной бабе, чтобы заставить ее замолчать. – И не стыдно вам? – спросила Мефодьевна с укором. – Человека еще не похоронили, а они уже из-за наследства сварятся. Его душа еще тут, эх вы!

Вета обиделась – она-то тут при чем? Не она свару затеяла. И если на то пошло, ей эти книги тоже без надобности, только обуза лишняя, головная боль. И вовсе уж ни к чему ей выслушивать оскорбления в свой адрес. От злости в голове всплыла фамилия племянника, вот уж кому она подходит!

– Господин Недотепов, – отчеканила Вета твердым, ледяным голосом, – прошу вас зачитать завещание. Оно, если не знаете, в верхнем ящике стола.

- Вот видишь, Диночка, - пробормотал он, свернув бумагу, - все правильно...

- Это ничего не значит! - заявила его женушка. - Старик был не в своем уме, мы можем завещание опротестовать. Главное - найти хорошего адвоката...

- Да зачем вам эти книги? - простонала Вета, подумав, насколько Глеб Николаевич верно охарактеризовал эту неприятную женщину. - На помойку выбросить? Ведь нет там ничего ценного!

- Если бы там ничего ценного не было, ты бы за них не цеплялась! - заявила Дина.

Вете внезапно все надоело.

- Как вам будет угодно, - сухо сказала она, - можете делать все, что хотите. Обращайтесь в суд, мне еще и лучше, если книги полгода здесь полежат.

До жадной бабы вмиг дошло, что она тоже не сможет попасть в квартиру полгода, и гнев ее обратился на домработницу.

- Ты! - сказала она Мефодьевне. - Собирай манатки, и чтобы духу твоего здесь не было!

- Уйду! - спокойно ответила Мефодьевна. - Вот похороним Глеба Николаича как положено, по-людски, приберу тут все, дождусь девятого дня и уйду!

- Да чтобы ничего из квартиры не прихватила! - Брюнетка совсем уже закусила удила.

- Дина, - не выдержал ее муж, - не надо так.

- Черт знает что! - Вета топнула ногой и ушла не прощаясь.

О похоронах Вете сообщили на следующий день. Звонили из университета, голос был незнакомый, так что Вета не стала ни о чем спрашивать.

Народу пришло не очень много – не то не всем позвонили, не то бывшие коллеги и ученики разбрелись по свету – кто работать, кто отдохнуть.

Вета знала уже, что хоронить Глеба Николаевича будут на Серафимовском, рядом с женой, так было указано в завещании. Профессор все предусмотрел и даже небось денег прилично оставил, поскольку жена племянника не выглядела такой злобной.

Вета мимоходом отметила, что в черном костюме жена эта похожа на ворону. Костюм можно было считать траурным с большой натяжкой из-за откровенного выреза и слишком короткой юбки. Племянник стоял рядом со своей женой, чтобы в случае чего не дать ей распоясаться на похоронах. Возможно, он пообещал жене ценный подарок, если она промолчит, а может, просто склеил ей челюсти суперцементом. Во всяком случае, она не произнесла ни слова, только длинный нос был угрожающе направлен одновременно на всех присутствующих. Вета наблюдала за ней исподтишка и решила, что эта женщина, состарившись, вполне может стать Бабой-ягой – нос вселял такие надежды.

Вета фыркнула и тут же ужаснулась про себя – она занимается злопыхательством, когда нужно думать совершенно о другом!

Какие-то незнакомые люди говорили дежурные речи, кто-то приветствовал Вету тихонько, она кивнула в ответ и отошла в сторонку – не хотелось пустых разговоров, кто когда видел покойного в последний раз да что он сказал перед смертью.

Мефодьевны на кладбище не было – видно, распоряжается дома. На поминки, однако, никого не звали.

Возвращаясь, Вета шла чуть в стороне ото всех.

Ей ни с кем не хотелось сейчас разговаривать, и вообще хотелось остаться одной, помолчать, вспомнить встречи с Глебом Николаевичем, долгие разговоры с ним.

Но вдруг с ней поравнялся какой-то странный тип – мужчина лет сорока в старомодной замшевой куртке, в металлических очках, с маленькой козлиной бородкой.

Кажется, она видела его и в церкви, и возле могилы – он стоял позади всех, держался незаметно, помалкивал. Наверное, какой-нибудь дальний родственник или ученик профессора.

– Здравствуйте, Иветта Вячеславовна! – проговорил незнакомец ненатуральным скорбным голосом, каким плохо воспитанные люди обычно разговаривают на похоронах.

– Здравствуйте, – ответила Вета удивленно. – Мы знакомы?

– Нет, к сожалению! – Мужчина опустил углы губ и от этого сделался особенно смешон. – Но я надеюсь, что это можно исправить.

– А стоит ли? – Вета взглянула на него с сомнением. – И откуда вы знаете, как меня зовут? Честно говоря, я и сама-то нечасто вспоминаю собственное полное имя!

– А зря! – пылко возразил он. – У вас очень красивое имя! Иветта! – Он проговорил ее ненавистное имя, словно пробуя его на вкус. – А меня зовут Арсений.

– Арсений? – переспросила Вета. – И что же вам от меня нужно, Арсений?

– Я могу быть вам очень полезен! – проговорил тот доверительно и осторожно взял Вету за локоть.

– Боюсь, что вы меня с кем-то путаете... – Вета попыталась выдернуть локоть.

– Нет, что вы! – Он искательно заглянул ей в глаза. – Как можно вас с кем-то спутать? Ведь вы, именно вы унаследовали библиотеку Глеба Николаевича?

Это прозвучало наполовину как вопрос, наполовину как утверждение.

– Допустим... – созналась Вета, начиная понимать интерес незнакомца. – И что с того?

– А то, что вы не очень разбираетесь в книгах, ведь так?

– Ну отчего же... – Вета невольно обиделась. – Я же училась у Глеба Николаевича...

– О, конечно! – Арсений уморительно сморщился. – Я нисколько не хотел вас обидеть, но признайтесь, только честно, – вы знаете, чем отличается двухтомное издание Гиббса восемьдесят шестого года от однотомного девятьсот третьего?

– Понятия не имею! – честно созналась Вета. – А что – неужели это так важно?

– Еще как! – Ее собеседник всплеснул руками, удивляясь ее невежеству. – Двухтомник стоит в двадцать раз дороже!

– Ну и что? Я вовсе не собираюсь продавать книги!

– Тем не менее! – Арсений наклонил голову, как птица, и заглянул в глаза Веты. – Мало ли, как обернется жизнь? Вы не разбираетесь в книгах, и поэтому всякий книжный жучок может вас обмануть, может нагреть руки на вашей, извините, наивности...

– А вы, значит, такой белый и пушистый? – насмешливо переспросила Вета. На ее взгляд, как раз этот скользкий тип как нельзя больше подходил под определение «книжный жучок».

– Нет, я не говорю, что я совершенно бескорыстен, – засуетился Арсений. – Но у меня есть принципы, я дорожу своей профессиональной репутацией, а самое главное – я очень люблю книги и хорошо в них разбираюсь... уверяю вас – очень хорошо! И я заверяю вас: в библиотеке Глеба Николаевича есть редчайшие, ценнейшие экземпляры, за которые настоящий ценитель заплатит огромные деньги... так вот, я могу помочь вам разобраться с этими книгами...

– Вам не кажется, Арсений, что сейчас не время и не место для подобных разговоров? – оборвала его Вета. – Мы, на минуточку, на кладбище, мы только

что похоронили достойнейшего человека, а вы тут со своими предложениями...

– Извините! Извините меня! – Арсений вскинул руки, как будто защищаясь от обвинений. – Я глубоко уважаю ваши чувства, Иветта Вячеславовна, но боюсь, что может не представиться другого случая поговорить с вами...

– Думаю, я это как-нибудь переживу!

– Безусловно... – «Жучок» пригорюнился. – Но все же... еще раз позвольте вам напомнить, что вы всегда можете ко мне обратиться. – С этими словами он вложил в руку Веты визитную карточку. – И прошу вас, ничего не предпринимайте, не посоветовавшись со мной! В этой библиотеке действительно есть бесценные экземпляры! Вас, как новичка в этом мире, могут обмануть, есть такие недобросовестные люди, для которых нет ничего святого...

Он поклонился, как комический персонаж какого-нибудь костюмированного фильма, и прибавил шагу. Не успела Вета и глазом моргнуть, как Арсений исчез за поворотом дорожки.

Она удивленно огляделась по сторонам, думая, не померещился ли ей этот странный разговор, и перехватила неприязненный, подозрительный взгляд жены племянника покойного профессора.

Нет, судя по этому взгляду, ей не привиделся «книжный жучок», не померещился разговор с ним.

Вета тоже прибавила шагу, чтобы оторваться от родственников покойного, но долго еще спину жег злобный взгляд. Удивительно противная женщина эта Дина!

Музей работал с двенадцати, так что на следующий день Вета спала долго. Как-то ей было нехорошо после похорон – не то от сырого холодного ветра, не то ото всей этой хоть и небольшой, но толпы с дежурно-скорбными лицами, и не было никого, с кем можно было бы просто помолчать и вспомнить, каким замечательным человеком был профессор, как они все буквально замирали на лекциях, когда он бывал в ударе, и в конце хотелось аплодировать, как артисту,

и крикнуть: «Браво!»

Муж вечером снова задержался, и свекровь снова злорадно сообщила, что без него она за стол не сядет. Вета только пожала плечами и под кинжальным взглядом свекрови налила себе большую чашку чая с медом и отрезала кусок булки. Свекровь заняла оборону у холодильника, сообщив, что, пока она жива, в ее доме все будут соблюдать режим.

– Если не соблюдать режим, то нарушится процесс пищеварения! – крикнула она.

– О! – обрадовалась Вета. – Что-то слышится родное! А то я уж начала волноваться – вы целых три минуты не говорили о процессах...

Свекровь несколько удивилась – не сути разговора, а тону обычно со всем согласной невестки. Однако уперлась спиной в холодильник и раскинула руки – только, мол, через ее труп!

Вета пыталась пугнуть ее заразой – у нее, мол, простуда начинается. И даже чихнула пару раз. Свекровь и бровью не повела – заразы она не боялась, никогда ничем не болела.

Так что Вете не досталось ни колбасы, ни сыра, пришлось есть сухую булку, даже масла не дала упертая свекровь!

Она приняла таблетку для профилактики гриппа и заснула тяжелым сном.

И проснулась утром оттого, что кто-то пытался сдернуть с нее одеяло.

Это была свекровь – в розовом стеганом халате и розовых же пластмассовых бигуди.

– А? Что? Чего вам надо? – спросонья грубо спросила Вета.

– Мне – ничего не надо! – громогласно, как всегда, заявила свекровь, но муж тут же заворочался рядом с Ветой и недовольно буркнул, чтобы дали поспать.

Свекровь мигом приглушила звук и злым шепотом сообщила Вете, что ей звонят из милиции.

– Из милиции? – Вета с трудом сбрасывала с себя остатки сна. – Да что такое?

– Тебе, голубушка, лучше знать, отчего тобой милиция интересуется! – заявила свекровь, снова повысив голос.

Тихо говорить она не умела, привыкла у себя на заводе машины перекрикивать.

– Да будет, наконец, в этом доме покой? – Муж локтем больно ткнул Вету в бок.

Она спустила ноги с кровати и побрела в коридор прямо в пижаме и босиком, игнорируя сердитый взгляд свекрови. По дороге Вета подумала, что, наверное, что-то случилось в музее. Был у них пару лет назад случай, когда рассеянная сотрудница забыла поставить помещение на сигнализацию, а то еще неплотно прикрытая форточка открылась сама от сквозняка и в нее прыгнула бродячая кошка. Датчики сработали, и милиция примчалась среди ночи.

Вроде бы она вчера все сделала правильно. И только взяв в руки трубку, Вета вспомнила, что вчера ее вообще не было на работе, она отпросилась на похороны.

– Сычева Иветта Вячеславовна? – спросил ее официальный мужской голос.

– Да, я... – хрипло ответила Вета, и в этот миг почувствовала вдруг, что пол закачался у нее под ногами и стены начали надвигаться на нее, стремясь раздавить.

Было такое чувство, что она находится внутри детского кубика и огромный ребенок сжал этот кубик в руке, а потом бросил. У Веты перед глазами замелькали стены, покрытые выцветшими, давно требующими замены обоями, вешалка, галошница. На миг пол и потолок поменялись местами, потом снова встали на место. По счастливой случайности кубик лег той же гранью, что и раньше.

– Иветта Вячеславовна, вы меня слышите? – спрашивал назойливый голос в трубке.

Вета сделала над собой усилие и вышла из закрытого пространства. Снова она увидела привычный коридор собственной квартиры и свекровь, стоящую рядом. Мелькнула еще мысль, что все стало какое-то не такое, как будто Вета смотрит на привычные вещи с другой, необычной стороны, но Вета отогнала эту мысль как несвоевременную и сосредоточилась на телефонном звонке.

– Из двадцать второго отделения вас беспокоят, – сказал голос, – капитан Островой. Вы не могли бы приехать в квартиру профессора Сперанского?

– Прямо сейчас? – удивилась Вета. – А что случилось?

– Вы подъезжайте, тут на месте все и узнаете, – предложил голос, – это будет быстрее, чем по телефону объяснять.

– Хорошо... – неуверенно согласилась Вета.

Что там могло случиться? Эта неугомонная Дина уговорила все же своего «ботаника» опротестовать завещание и подать на Вету в суд?

Да, но милиция-то тут при чем? Как он сказал? Двадцать второе отделение, капитан Островой? Или Островский?

– Что случилось? – Свекровь умирала от любопытства, даже пластмассовые бигуди сами собой соскочили с ее головы. – На работе что-нибудь?

– Угу. – Вета кивнула головой, не вдаваясь в подробности.

Муж, конечно, про профессора Сперанского знал, только Вета не успела ему сказать, что тот умер, им все было никак не встретиться, не поговорить. А свекровь вообще понятия не имела, что невестка навещает профессора, в последнее время Вета вообще взяла за правило ничего про свою жизнь дома не рассказывать, чтобы потом не слушать громогласных замечаний свекрови.

Пока Вета одевалась в своей комнате, свекровь успела приготовить ей чашку растворимого кофе. Надо отдать ей должное – в экстренных случаях она умела действовать оперативно, не задавая ненужных вопросов, привыкла у себя на заводе спасать производство. Вета проглотила кофе залпом, обожгла язык и окончательно пришла в себя.

– Зонттик возьми! – строго сказала свекровь. – Дождина всю ночь хлещет!

Дубовая дверь квартиры профессора была приоткрыта.

Вета растерянно остановилась перед ней, потом решила и вошла в квартиру. Поперек прихожей валялась деревянная рогатая вешалка, под ней на полу лежало старое зимнее пальто Мефодьевны. Из глубины квартиры доносились гулкие незнакомые голоса, как будто там работал телевизор.

Вета нерешительно двинулась вперед, вдруг одна из дверей распахнулась, в прихожей появился озабоченный мужчина лет тридцати в сером мятом пиджаке.

– Вы кто? – спросил он, подозрительно уставившись на Вету.

– А вы? – испуганно переспросила та, невольно попятившись. – Что вы здесь делаете?

– Милиция! – хмуро ответил мужчина и махнул перед Ветой удостоверением. – А вы кто?

– Я Сычева... мне звонили, просили приехать... а где... а что здесь случилось? Где Анна Мефодьевна?

Из той же двери выглянул второй мужчина, широкоплечий, бритый наголо, с темными выпуклыми глазами. Увидев Вету, прищурился и быстро проговорил:

– Гражданка Сычева? Иветта Вячеславовна?

– Да, это я... – растерянно призналась Вета. – Все же что здесь случилось?

– Это я вам звонил... капитан Островой... – представившись, бритый отступил в сторону, жестом пригласив Вету в комнату.

Это был кабинет Глеба Николаевича.

Но как здесь все ужасно переменялось!

Тяжелый письменный стол был сдвинут с места, ящики выдвинуты, на полу вперемешку валялись бумаги, фотографии, папки с рукописями и газетными вырезками. Тут же лежала знакомая бронзовая лампа, зеленое стекло разбито на мелкие осколки.

Но самое главное – все книжные шкафы были распахнуты и опустошены. На полках не осталось ни одной книги. Библиотека Глеба Николаевича исчезла.

– Вот она часто приходила! – раздался вдруг сбоку вредный неприязненный голос.

Вета оглянулась и увидела на стульях возле стены троих людей – племянника Глеба Николаевича, его жену и еще какую-то крепкую тетку лет шестидесяти, лицо которой показалось ей смутно знакомым.

Вот эта-то тетка, приподнявшись, повторила:

– Она к ним часто приходила! И ходит, и ходит, а чего ходит? Как будто у нее своих дел нет!

Теперь Вета вспомнила эту тетку: это была соседка из квартиры напротив, пару раз они сталкивались на лестнице, гораздо чаще Вета чувствовала спиной пристальный подозрительный взгляд через дверной глазок. Еще Вета вспомнила, что Мефодьевна эту тетку отчего-то не любила, в квартиру никогда не пускала, при встрече буркнет что-то неразборчиво, не вступая в пустые разговоры о погоде там или о ценах на продукты. Впрочем, Мефодьевна вообще мало кого привечала, суровая старуха, что и говорить. Но где же она сама? Вета уверилась, что со старухой что-то случилось, ну не допустила бы она такого беспорядка!

- Вы спросите, спросите у нее, чего она ходит? - надрывалась соседка.

- Ну да... - Вета оглянулась на бритого капитана, который смотрел на нее пристально, явно ожидая объяснений. - Покойный Глеб Николаевич был моим учителем, я часто навещала его...

- Учи-итель? - протянула соседка. - Разве же учителя так живут? - Она окинула комнату завистливым взглядом. - У меня невестка учительница, так ей еле на еду хватает... и никакие ученики ее не навещают, еще чего, в школе на них нагледелась...

- Не школьный учитель, - перебила ее Вета. - Глеб Николаевич был профессор, крупный ученый, я посещала его лекции в университете и с тех пор сохранила с ним дружеские отношения...

- Ой, вот только не надо вешать лапшу окружающим! - процедила жена Андрея, поджав губы. - Учителя она навещала, как же! Вся такая интеллигентная, прямо пробы ставить негде, а сама под шумок поперла полквартиры!

Вета онемела от такой неожиданной агрессии, от такого безумного обвинения. Она пыталась вспомнить, как зовут бессовестную бабу... ах да, кажется, Дина... Господи, от потрясения у нее все смешалось в голове!

- Что вы говорите, Дина! - проговорила она наконец, оправившись от оскорбления. - Не понимаю, в чем вы меня обвиняете?

- Да все ты понимаешь! - Дина вскочила, шагнула вперед, обвела широким жестом разоренный кабинет. - Куда все подевалось? Здесь имущества было на страшные деньги... И все по закону нам с Андрюшей принадлежало...

- Не надо, Диночка! - жалобно проговорил племянник покойного профессора. - Успокойся...

- А ты вообще молчи! - рявкнула на мужа Дина. - Еще чудо, что старик квартиру на нее не переписал! Думаешь, зачем она к нему шлялась? Зачем время на старикана тратила? Просто так, что ли? Исключительно ради имущества!

– Диночка, перестань... – Андрей привстал, взял жену за руку, но она его раздраженно оттолкнула.

– Сядьте, Диана Артуровна! – поддержал его бритоголовый милиционер. – Вот как раз давайте уточним, что из имущества пропало.

Вета удивленно взглянула на жену Андрея.

Оказывается, ее зовут Диана, а Дина – это уменьшительное имя... да уж, такое имя этой особе совершенно не подходит! Надо же, Диана – и с таким носом! Отчего-то от этой мысли Вете стало легче, она пришла в себя и решила не спускать зловредной бабе.

– Пропали все книги Глеба Николаевича. – Вета повернулась к разоренным шкафам. – Монографии и справочные издания по истории, труды крупнейших ученых...

– Тебя не спрашивают! – огрызнулась Диана. – Ты тут никто! Кому твои книги нужны? Вот вазочка пропала, которая тут стояла... наверняка очень дорогая! Опять же, картина висела на стене, где она? И тут статуэтка на столе была... Вместе с книжками и ценные вещи прихватила!

– Что вы хотите сказать – что я вынесла из квартиры пять тысяч томов? – Вета подняла свои тонкие руки, взглянула на них, как будто первый раз увидела. – Вот этими руками?

– Зачем этими? – Диана несколько не смутилась и не отступила, она вообще относилась к той породе людей, которые, раз забрав что-то в голову, от этой мысли не отступят никогда, даже если их припереть к стенке. – Мужика своего привела... впрочем, что я говорю – нет у тебя никакого мужика, кто на тебя польстится, на воблу сушеную... значит, наняла кого-нибудь... грузчиков нашла у магазина...

Вета задохнулась от обиды и возмущения. Казалось бы, она уже привыкла к хамским манерам Дианы, но последний выпад показался ей особенно оскорбительным.

И ведь видит же мерзкая баба, что у нее на руке обручальное кольцо! Неужели по ней так заметно, что ее брак не слишком удачный, что живут они с мужем каждый сам по себе, у нее свои интересы, у него свои? В противном случае разве стояла бы Вета сейчас тут одна? Разве отпустил бы ее муж, услышав, что его жену вызывает милиция? Да он даже не проснулся! И не поинтересовался, что же с ней такое происходит последние несколько дней! И самое интересное, что Вете не хотелось ему ничего рассказывать. Да и недосуг все было, никак его не поймать. Все-таки где он пропадает?

Но сейчас некогда об этом думать, придется самой за себя постоять.

Вета повернулась к мерзкой особе, открыла рот, чтобы что-то ответить, но тут увидела в ушах Дианы необычные серьги – две крупные розоватые жемчужины грушевидной формы в изысканной оправе из темного старинного золота.

– Молчишь?! – кипятилась Диана. – Нечего сказать? Ничего, в милиции язык тебе развяжут!

Вместо ответа Вета наклонилась и подняла с пола фотографию в узкой рамке из красного дерева. Эта фотография, сколько она помнила, стояла на столе у Глеба Николаевича.

Тонкое красивое женское лицо с необычно широко расставленными глазами, с темными волосами, собранными в большой узел. Маргарита, покойная жена Глеба Николаевича.

– Взгляните. – Вета показала фотографию капитану Островому. – Вы видите это?

– Ага. – Капитан усмехнулся, перевел взгляд на Диану.

– В чем дело? В чем дело? – забеспокоилась та. – Что вы там такое разглядываете?

Она подскочила к Вете, схватила фотографию.

Высокая прическа открывала маленькие изящные уши Маргариты, и были хорошо видны ее серьги – крупные жемчужины грушевидной формы в старинной

оправе. Фотография была старая, черно-белая, но все равно не было никаких сомнений, что серьги – те самые, которые болтались сейчас в ушах Дианы.

Она инстинктивно прикрыла уши ладонями, потом спохватилась и раздраженно проговорила:

– Ну и что? Все равно здесь все мое... то есть наше с Андрюшей! Я имею право взять все, что хочу!

– Вы ничего не имеете права брать, пока ваш муж не вступил в права наследования! – сухо проговорил капитан. – А для этого по закону нужно подождать, пока пройдет шесть месяцев...

– Может быть, и книги вы тоже решили взять? – мстительно проговорила Вета. – А они, между прочим, оставлены мне по завещанию!

– Это мы еще посмотрим, какое такое завещание! – проворчала Диана и вдруг заторопилась: – Андрей, нам нужно идти, ты же помнишь, у нас с тобой дела... к нам электрик должен прийти...

– Дина... – запинаясь, проговорил ее муж, – но когда же ты успела...

– По-твоему, я должна была оставить все этой деревенской старухе? – взорвалась его жена. – Чтобы все ценные вещи прилипли к ее рукам и уплыли в туманную даль? Ты этого хотел?

– Да эта деревенская старуха прожила здесь сорок лет и ни копейки не взяла! – рявкнула Вета и, не помня себя, шагнула к противной бабе, чтобы вцепиться ей в длинный нос.

– Спокойнее! – Капитан ловко ввинтился между ними. – Вы, потерпевший, пока можете идти, – сказал он племяннику, – потом в отделение зайдете протокол подписать.

Андрей поднялся обреченно, смущенно глядя в пол, послушно двинулся за женой.

– Только никуда не уезжайте из города, – напутствовал их капитан. – У меня к вам еще будут вопросы... И у следователя тоже.

– Так все-таки, – Вета повернулась к капитану Островому, как только Диана с мужем вышли из кабинета, – что здесь произошло? И где Анна Мефодьевна?

Капитан взглянул на соседку, и та затараторила, как будто только и ждала этой возможности:

– Я утром борщ поставила варить, а уксуса и нет... а какой борщ без уксуса? Ни цвета, ни вкуса, ни удовольствия... значит, вышла я на площадку, хотела в магазин идти, смотрю – а дверь-то у Глеба Николаевича открыта! А я знаю, что они всегда дверь на десять замков запирают. Видать, за богатство свое сильно боятся! – Она неодобрительно оглядела разоренный кабинет и продолжила: – Ну, думаю, только хозяин помер – сразу никакого порядка! Дверь и ту не закрыли! Подошла я к двери, позвонила – никто не идет... хотя, конечно, Мефодьевна совсем глухая, никогда до нее не дозвонишься... постучала – то же самое... ну, думаю, надо войти, посмотреть – мало ли что случилось?

На самом деле соседкой двигало самое обыкновенное любопытство. Ей хотелось взглянуть на квартиру покойного соседа.

Однако далеко зайти она не смогла.

Пройдя прихожую и заглянув в кухню, она увидела лежащую на полу без сознания, в крови Анну Мефодьевну и в ужасе вылетела из соседской квартиры.

– Я в квартиру-то даже не заходила, – торопливо сообщила она капитану. – Только в дверь заглянула, смотрю, Мефодьевна на полу лежит... я так перепугалась, так перепугалась – до сих пор поджилки дрожат! К себе в квартиру прибежала и сразу в милицию звонить... ну тут уж и вы приехали!..

– Врет! – проговорил, появившись в дверях, второй милиционер – тот, с которым Вета столкнулась в коридоре. – Непременно врёт! Заходила она в квартиру!

– Как это я вру?! Как это вру?! – возмущенно вскрикнула соседка. – У меня сроду такой привычки не было, чтобы врать!

– Точно врет, – спокойно возразил милиционер. – От входной двери она пострадавшую никак не могла видеть, сами видели, какая там прихожая! Ей непременно нужно было к самой кухне подойти, только тогда она могла тело увидеть!..

– Ну, может, самую чуточку зашла... – призналась соседка. – Может, на два шажочка. Но я ничего не трогала!..

После этих слов оба милиционера посмотрели на нее с явным подозрением.

– Все-таки что же здесь произошло? – спросила Вета, оглядевшись по сторонам.

– Обычное ограбление, – ответил Островой. – Судя по тому, что нет следов взлома, пострадавшая сама открыла дверь грабителям...

– Говорим же всегда – не открывайте никому дверь! – вклинился в разговор второй офицер. – Но разве же гражданские нас слушают? Особенно пенсионеры!..

«Но как раз Анна Мефодьевна была очень осторожна, – подумала Вета. – Она никогда не открывала дверь, не выяснив, кто пришел... десять раз переспросит...»

Она вспомнила свой последний визит и как старуха долго и недоверчиво ее спрашивала. А ведь она ждала Вету, они всегда заранее договаривались о встрече! Старуха вообще мало кого пускала в квартиру – врача участкового или женщину, которая пенсию носит... Но чтобы ночью кому-то дверь открыть...

– Вот, значит, они вошли... она, старушка эта, попыталась сопротивляться грабителям, ей дали как следует... а потом они, значит, все вынесли...

– Пять тысяч томов вынесли по лестнице – и никто из соседей ничего не услышал? – с сомнением проговорила Вета.

Милиционеры переглянулись.

– А что – правда здесь было пять тысяч книг? – недоверчиво переспросил Островой.

– Приблизительно. – Вета повернулась к книжным шкафам. – Ну, может, четыре с половиной... а может, и больше пяти – вы же видите, какие шкафы огромные! И все книгами были заполнены, уж я-то знаю...

– Да-а... – Островой тяжело вздохнул. – Действительно, непонятный момент...

– Вот такие у нас граждане равнодушные! – вмешался его напарник. – Никакой бдительности! Мимо них могут зенитно-ракетный комплекс пронести, а никто и не почешется!

– А что с Анной Мефодьевной? – спохватилась Вета. – Она жива?

– Когда ее санитары уносили – была жива, но без сознания, – с профессиональным спокойствием ответил Островой. – Состояние, конечно, тяжелое, да и возраст, так что сами понимаете – прогноз неутешительный...

– Так что на ее показания мало надежды! – проговорил от дверей второй милиционер.

– А куда ее отвезли, в какую больницу? – спросила Вета озабоченно.

Милиционеры переглянулись, и Островой сообщил:

– Больница Архангела Гавриила, бывшая имени Демьяна Бедного. На проспекте Культуры... только она без сознания, так что от вашего посещения будет не много толку.

– Если человек без сознания, это еще не значит, что он ничего не чувствует, – ответила Вета и хотела было уже уйти.

– Постойте, – остановил ее Островой. – Я еще вот что хотел у вас спросить – почему этот профессор все имущество оставил племяннику, а книжки – вам?

– А вы жену его видели? – не удержалась Вета. – Глеб Николаевич, конечно, старый был и больной, но голова у него отлично соображала. И эту Диану он насквозь видел, хоть под конец жизни почти ослеп.

– Да уж... – неопределенно сказал капитан, – очень утомительная женщина...

– А мне, честно говоря, – разоткровенничалась Вета, – с этим наследством одна головная боль. Книги представляют ценность только для узкого круга людей, и куда их теперь девать? Но раз учитель оказал мне такое доверие, то придется возиться... Хотя... вряд ли вы их найдете, так что вроде бы я должна радоваться. Но не могу...

– Учитель... – снова подала голос неугомонная соседка. – Вот моя невестка...

– А вы, свидетельница, идите к себе, – прервал ее Островой, – вас повесткой вызовут.

– Когда? – требовательно приступила к нему тетка.

– На днях или раньше, – спокойно ответил капитан.

Больница Архангела Гавриила располагалась в северной части Петербурга, на углу проспектов Культуры и Просвещения.

Мало кто из местных жителей не шутил по поводу этих названий. Наверное, в Северной столице нет места более далекого как от культуры, так и от просвещения, да и вообще, случайно оказавшись в этих местах, трудно поверить, что ты находишься в Петербурге.

Когда Вета выбралась из маршрутки возле ворот больницы, на солнце набежала чернильно-темная туча, налетел порыв ветра, и на асфальт упали первые тяжелые капли дождя.

Вета пожалела, что не захватила зонт, хотя свекровь и советовала ей это сделать, прибавила шагу и успела дойти до дверей больницы, когда хлынул серьезный ливень.

В холле толпилось множество посетителей, здесь же болтались нетяжелые больные. Долговязый мужчина на костылях, в синей полосатой пижаме флиртовал с симпатичной медсестрой, тетка средних лет воспитывала двадцатилетнего парня в гипсе.

Вета протолкалась к окошку справочной, назвала имя и отчество Анны Мефодьевны.

Сестра в окошечке поглядела в экран компьютера и сообщила номер палаты.

- Сменную обувь нужно! - сообщила она под конец.

Вета вспомнила огромные шлепанцы, которые выдавала гостям Мефодьевна, и подумала, что жизнь любит устраивать такие повторы и совпадения.

В гардеробе она купила за пять рублей голубые полиэтиленовые бахилы и отправилась на третий этаж, где располагалось нужное ей отделение.

Дверь отделения была широко открыта, на дежурном посту никого не было.

Вета нашла нужную палату, вошла внутрь.

Палата была большая, в ней помещалось десятка полтора коек, на которых лежали и сидели женщины разного возраста. Среди них Вета с немалым трудом нашла Мефодьевну, подошла к ее койке.

Старуха лежала с закрытыми глазами, голова ее была забинтована, из локтя резиновая трубочка бежала к стойке капельницы. Ни один мускул не шевелился на ее лице, и Вета уже испугалась, что опоздала, но тут заметила, что клетчатое больничное одеяло на груди старухи чуть заметно приподнимается в ритме дыхания.

- Помирает бабушка твоя! - с осуждением проговорила полная старуха, полусидевшая на соседней кровати. - Батюшку бы ей надо.

Вета нашла стул, села в изголовье кровати и положила ладонь на руку Мефодьевны.

Неожиданно веки старухи дрогнули, по лицу пробежала мучительная судорога, и Мефодьевна открыла глаза.

– Змею надо повернуть! – проговорила она довольно отчетливо.

– Что? – удивленно переспросила Вета. – Какую змею?

Она подумала, что старуха бредит.

Мефодьевна еще что-то проговорила, но совсем неразборчиво. Потом на ее лице проступило выражение ужасной усталости, и глаза закрылись. Вета огляделась, она подумала, что нужно найти врача.

Но тут старуха снова открыла глаза, взглянула на нее ясно и внимательно и едва слышно прошелестела:

– Пригнись пониже!..

Вета послушно склонилась, поднесла самое ухо к пергаментным губам старухи.

– Змею надо повернуть! – повторила Мефодьевна отчетливым, напряженным шепотом. – В кабинете у него змея зеленая. Повернуть ее надо... там у него что-то спрятано... важное что-то... Он мне перед смертью сказал...

Вета безуспешно вслушивалась, но больше ничего не слышала, кроме прерывистого хриплого дыхания.

Она отстранилась от старухи и увидела, что та снова лежит с закрытыми глазами, почти не подавая признаков жизни.

Что это было? Предсмертный бред? Или вообще ей померещился этот бессмысленный шепот?

Впрочем, такой ли уж бессмысленный?

Теперь Вета вспомнила, что в кабинете у Глеба Николаевича стояло старинное бюро с отделанной малахитом крышкой. Эту крышку украшала бронзовая фигурка, наполовину женская, наполовину змеиная. Бронза от старости тоже позеленела. Покойный профессор называл эту фигурку Хозяйкой Медной горы...

Очень может быть, что у него в этом бюро был тайник. И Мефодьевна права – нужно этот тайник проверить, в нем Глеб Николаевич мог хранить что-то важное...

– Батюшку ей надо! – вторглась в Ветины мысли соседка Мефодьевны по палате. – И рубашку надо чистую, не в этой же помирать!

Вета взглянула на Мефодьевну.

Та была одета в застиранную казенную рубашку с черным больничным штампом на груди. И правда, нужно принести ей из дома чистую одежду. Умирает она или нет, но Мефодьевна всегда была аккуратна и чистоплотна, и ей наверняка неприятно лежать в чужом.

Вета встала и хотела уйти, но в это время в палату вошла женщина-врач в голубом крахмальном халате, с озабоченным и строгим лицом.

– Вы – родственница Руслановой? – спросила она у Веты строгим, неодобрительным голосом.

– Чья? – переспросила Вета растерянно, но тут же вспомнила, что Мефодьевна и правда была однофамилицей знаменитой певицы военного времени. – Ну, не совсем родственница... – проговорила она неуверенно.

– Так вот, не совсем родственница, полис надо принести! Причем как можно скорее!

– Полис? Какой полис? – переспросила Вета. Она сегодня как-то медленно соображала.

– Ну да, страховой полис! Надеюсь, вы знаете, что это такое? А то доставили ее без полиса, без вещей, как лицо бомж... скажите спасибо, что мы ее вообще приняли!

– Я принесу! – торопливо уверила Вета врача. – Я обязательно найду ее полис. А как вообще она...

Вета не договорила фразу – она не решалась прямо спросить, действительно ли Мефодьевна умирает.

– Трудно сказать... – Раздражение ушло из голоса врача, из ее взгляда, она была теперь просто усталой, замотанной, невыспавшейся женщиной. – Трудно сказать, потеря крови небольшая, но у нее черепно-мозговая травма, а это непредсказуемо. По-всякому может повернуться. С другой стороны, сердце очень здоровое, так что шансы есть. В общем, сейчас главное для нее – покой...

– Покой... – повторила Вета.

Она вспомнила тревожный, озабоченный взгляд Мефодьевны, хриплый, взволнованный шепот... нет, как раз чего-чего, а покоя в душе у старухи не было!

Не было покоя и у Веты, потому что со всеми событиями нынешнего утра на работу она попала только после обеда. За что получила легкий выговор от начальства и пару косых взглядов от сослуживицы Ларисы, которой пришлось проводить вместо Веты экскурсию для толпы шестиклассников. Дети шумели, толкались, хихикали и совершенно не интересовались историей водопровода. Вета в глубине души Лариску хорошо понимала.

День потек своим чередом, и Вета выбросила из головы на время все мысли о странном ограблении квартиры профессора Сперанского. Она подумает об этом позже. Потому что подумать следовало. И Вета невольно задумалась, когда пила чай в закутке за шкафом.

Кто мог ограбить покойного профессора? Тот, кому нужны были книги... Но кому они, черт возьми, могли понадобиться? Ведь всем известно, что там только

научные труды! Ну было, конечно, несколько старинных антикварных книг, Вета сама видела. Ну так и взяли бы их, чем такую прорву литературы тащить!

Как ни крути, а ответа на этот вопрос у Веты нет. Тогда спросим, как была ограблена квартира профессора? У милиции все просто – старуха в маразме, открыла дверь кому ни попадя, дали ей по голове и вынесли книги. Угу, на руках, по лестнице, это сколько же раз нужно подняться и спуститься? Лифт в доме есть, но старый, очень тесный, туда два человека еле втиснутся, да еще он все время ломается. Этот капитан Островой просто не представляет, какое количество книг было в библиотеке профессора Сперанского. То есть обязательно бы кто-нибудь из соседей услышал шум, выглянул на площадку. С другой стороны, ну выносят книги, соседи же знают, что профессор умер... тут и мебель понесут – никто не удивится.

А вот как грабители попали в квартиру? Вета готова прозакладывать собственную плохо соображающую голову, что Мефодьевна им двери не открывала. Ну не могла она этого сделать ночью, даже если скажут, что милиция или «Скорая помощь»! Вот если бы пожар... Хотя, если бы орали: «Пожар!» – эта противная тетка, соседка, тоже бы всполошилась. А она ничего не слышала.

Следов взлома не было, такую дверь не сломать, ее даже лом не возьмет, и попасть в квартиру с отмычками или ключами тоже никак нельзя – замок-то ключ откроет, а вот стальной полуметровый крюк только изнутри можно откинуть.

– Ветка, ты чего? – Оказывается, Лариса уже давно стояла у стола и тормозила Вету. – Уставилась в одну точку и замерла! Даже страшно стало, может, на тебя столбняк напал?

– Мысли разные одолели, – вздохнула Вета, – покоя не дают...

– Ты не думай, – с неожиданным сочувствием заговорила Лариса, – не стоят они наших слез!

– Да я и не плачу вовсе... – удивилась Вета.

- Это правильно! - горячо согласилась Лариса. - Слезами горю не поможешь! Надо принять решение и отрубить сразу, одним махом! Так гораздо легче!

- Ты о чем? - Вета поставила чашку с остывшим чаем и уставилась на Ларису. - Какое решение?

- Ну как же... - Ларка вдруг смутилась и отвела глаза, - ты же... у тебя же...

- Девочки! - В закуток заглянула их бессменная директриса. - Вы долго лясы точить будете? Иветта, я на вас просто удивляюсь, что стало с человеком? Была такая дисциплинированная и ответственная сотрудница, а теперь опаздываете на работу, чаевничаете по часу, болтаете. Что с вами происходит, Иветта?

- У меня обстоятельства, - сказала Вета, - извините, у меня...

И в этот момент погас свет. Они не оказались в полной темноте, потому что на улице было еще светло - пятый час всего. Лариска бросилась раздергивать тяжелые пыльные портьеры, директриса начала звонить в аварийную. А Вета пошла в зал, чтобы успокоить посетителей. Хотя там никого не было.

Директриса выяснила, что свет погас во всем квартале и дадут его не раньше чем через два часа.

- Ой, а можно мне тогда пораньше уйти? - обрадовалась Вета. - Мне в больницу надо!

- Иветта Вячеславовна! - От возмущения директриса покраснела и начала пыть, как голодный еж. - Что вы себе позволяете? Вы пришли сегодня позже, так оставайтесь и ждите, когда дадут свет, чтобы сигнализацию включить!

- Ларисочка... - взмолилась Вета, - мне очень нужно уйти!

- Хорошо, - Лариса неожиданно для Веты легко согласилась, - иди, я посижу.

Убегая, Вета видела, как Лариса что-то шепчет директрисе на ухо, опасливо оглядываясь по сторонам, но не придавала этому значения.

Выйдя из музея, Вета остановилась и задумалась.

Нужно было найти страховой полис Мефодьевны и принести его в больницу. Кроме полиса, нужно прихватить для старухи какие-то вещи, одежду, чистое белье. А заодно проверить тайник в кабинете профессора, о котором говорила Мефодьевна. Если, конечно, это не бред умирающей. Но для этого нужно попасть в квартиру Глеба Николаевича. А как это сделать?

Ключи от квартиры у племянника профессора, Андрея Недотепина. Он, разумеется, не даст их Вете без разрешения своей жены, а уж эта мерзкая особа точно не пустит Вету в квартиру... Особенно после сегодняшней их встречи...

Тут она вспомнила про капитана Острового. Может быть, он ей поможет?

Она нашла в своей сумочке визитку, которую капитан дал ей на прощание, достала мобильный телефон и набрала номер.

– Островой! – раздался в трубке полузадушенный голос.

– Это Сычева! – представилась Вета. – Знакомая профессора Сперанского, в чьей квартире... Мы с вами утром виделись...

– Да помню я, помню! – раздался какой-то стук, звук падения, и капитан продолжил более внятным голосом: – Здравствуйте, Иветта Вячеславовна. Вы вспомнили что-то важное?

– Да не в этом дело... – замялась Вета. – Я сейчас была в больнице у Анны Мефодьевны, так вот ей нужен страховой полис и кое-что из вещей, а у меня нет ключей от квартиры. И я подумала, может быть, вы мне поможете... дело в том, что жена племянника ключей мне точно не даст... ну, вы понимаете...

– Да, с этой дамочкой трудно иметь дело! – хмыкнул Островой. – На ваше счастье, я как раз сейчас в этой квартире, так что если вы можете быстро приехать...

– Я буду через полчаса! – обрадовалась Вета. – А вы что, так и не уходили?

– Уходил, а теперь опять пришел, – в голосе капитана послышались сердитые, недовольные нотки, – надо же дело расследовать! Ведь человека тяжело ранили!

Дубовая дверь была полуоткрыта, как и прошлый раз.

Вета вошла в полутемную прихожую и крикнула в пространство квартиры:

– Ау-у! Я пришла!

Из кабинета профессора высунулась голова капитана. Он был весь в пыли и какой-то встrepанный, если такой эпитет можно применить к наголо выбритому человеку.

– Это вы, Иветта Вячеславовна? – проговорил он в нос и громко чихнул. – Извините... а я тут решил еще раз осмотреться. Уж очень меня смущает, как грабители смогли вынести такую огромную библиотеку! Вам нужны вещи Анны Мефодьевны?

– Ну да, они, наверное, в ее комнате... – Вета показала на дверь возле кухни.

– Ладно, можете там посмотреть. Ваши отпечатки здесь так или иначе имеются... не буду вам мешать, но если найдете что-нибудь важное – скажите мне...

– Обязательно. – Вета кивнула и добавила смущенно: – Вот еще что... как мне вас называть? Не по фамилии же! А товарищ капитан как-то уж слишком...

– А!.. – Капитан улыбнулся. – Вообще-то я Сергей Михайлович, но для вас – Сергей...

– И меня, ради бога, не зовите по отчеству! – взмолилась Вета. – А то я каждый раз вздрагиваю. Мне кажется, что я заснула на совещании и директриса меня будит... И имя свое я ненавижу с детства, зовите Ветой, как все.

Вета толкнула дверь и вошла в комнату Мефодьевны.

Конечно, она хотела еще заглянуть в кабинет профессора, чтобы проверить тайник, но там сейчас хозяйничал капитан, так что придется подождать более удобного случая...

Комнатка, куда она попала, была маленькая и темноватая, старомодные занавески на окнах задернуты. В отличие от остальной квартиры, здесь царил относительный порядок, видимо, грабителей эта комната не заинтересовала. В дальнем углу стояла металлическая кровать с блестящими хромированными шарами в изголовье, на ней высокой горкой громоздились подушки в вышитых наволочках. Еще здесь были невысокий пузатый комодик, накрытый белой кружевной салфеткой, и этажерка с выцветшими журналами «Работница» и «Огонек» за семидесятые годы. Рядом с этажеркой стояла старинная швейная машинка «Зингер» на красивой кованой подставке.

В первую очередь Вета решила обследовать старухин комод, но для этого явно недоставало света. Она подошла к окну и решительно раздернула занавески.

И тут же удивленно отступила.

На широком подоконнике был отчетливо виден отпечаток мужского ботинка. Очень большой отпечаток. Причем этот след был расположен носком к комнате, то есть тот, кто этот отпечаток оставил, не взбирался на подоконник. Он с него спустился в комнату.

– Сергей! – крикнула Вета, выглянув в коридор. – Сергей Михайлович!

Из двери кабинета снова высунулась бритая голова.

– Что вы кричите? – спросил Островой удивленно. – Что случилось?

– Вот, взгляните! – поманила его Вета. – Я думаю, вы должны это увидеть!

Островой тяжело протопал по коридору, вошел в комнату Мефодьевны, подошел к окну и удивленно уставился на отпечаток ноги.

– Сорок пятый размер, – проговорил он после продолжительной паузы. Затем осторожно открыл окно и выглянул на улицу, стараясь не смазать след на

подоконнике. – Так вот как они вынесли книги! – проговорил через полминуты, приняв прежнее положение. – Поглядите, Вета!

В отличие от остальных окон в квартире окно этой комнаты, как и кухонное, выходило во двор. Двор был узкий и темный, каких очень много в старых районах города. Не то чтобы колодец, но все же. Внизу, перед задней дверью круглосуточного магазина, разгружался грузовичок с хлебом и выпечкой, шофер громко переговаривался с кладовщиком, гремели железные поддоны. А прямо под окном на уровне первого этажа висела на тросах монтажная люлька – деревянный помост, с которого красят стены и проводят прочие ремонтные работы.

– Ясно... – проговорила Вета, выпрямляясь. – Они поднялись на этой люльке, влезли через это окно в квартиру и на этой же люльке спустили все книги.

– Ну да! – радостно воскликнул Островой. – Во дворе у них стояла машина, скорее всего грузовик, так что они могли за один раз погрузить и вывезти всю библиотеку... поэтому никто из соседей ничего и не заметил! Спасибо вам, Вета! А мы не обратили на эту комнату большого внимания, потому что здесь почти ничего не тронут!

– Да я ничего. – Вета смутилась. – Мне просто темно было, вот я и отдернула занавески...

– Да вы не скромничайте! – Капитан широко улыбнулся, но тут же хитро взглянул Вете в глаза: – А все же, что было такого ценного в этой библиотеке? Я вам точно скажу, за последние десять – пятнадцать лет у нас не было ни одного случая кражи книг. Раньше, в советские времена, – другое дело, тогда книги считались ценностью, и при квартирных кражах их часто выносили, но сейчас-то... весят они много, продать их достаточно трудно, да и стоят они недорого...

– Я не знаю... – проговорила Вета растерянно. – Я правда не знаю! У Глеба Николаевича были редкие и ценные книги, некоторые даже уникальные, но они интересуют только специалистов, историков, а не грабителей...

За разговором они прошли в кабинет.

За последний день здесь стало еще больше беспорядка. Видимо, Островой все здесь перерыл в поисках улики. Но Вета смотрела не на распахнутые шкафы, не на письменный стол Глеба Николаевича, а на бюро с малахитовой крышкой.

Бюро было на прежнем месте, но украшавшей крышку статуэтки не было. Вета хотела подойти ближе и рассмотреть бюро, но в это время дверь кабинета приоткрылась, и на пороге возникла соседка, та самая любительница борща, которая нашла Анну Мефодьевну.

– А это кто здесь хозяйничает? – проговорила та, вглядываясь в лица присутствующих.

– А это здесь милиция, – в тон ей ответил капитан и помахал перед носом соседки своим удостоверением. – Капитан Островой, да вы меня утром видели!

– А и правда! – В голосе соседки прозвучало разочарование. – А я-то вас сперва не признала...

– А вот что вы здесь делаете? – строго осведомился Островой. – Здесь нельзя находиться посторонним людям, это место преступления!

– Да разве же я не понимаю! – залебезила тетка. – Я понимаю, что преступление! А только я иду из магазина, смотрю – дверь открыта, как прошлый раз, вдруг, думаю, снова кто безобразит... а я не люблю, когда непорядок...

Пока Островой разговаривал с соседкой, Вета подошла ближе к бюро и увидела на месте статуэтки квадратное углубление в малахитовой плите. Видимо, именно сюда вставлялось основание статуэтки. Она запустила пальцы в углубление, но ничего там не нашла.

Зато перехватила взгляд соседки. Та смотрела на отверстие в крышке бюро хитрым, испуганным и вороватым взглядом.

– Сергей Михайлович! – проговорила Вета нарочито громко. – Вы спрашивали, что еще здесь пропало, кроме книг. Так вот, здесь была бронзовая статуэтка. Наполовину женщина, наполовину змея. Глеб Николаевич называл ее Хозяйкой Медной горы...

– Ничего не знаю! – быстро проговорила соседка, отступив к двери. – Ничего такого не видела!..

– А вам никто ничего и не говорил! – невинным тоном проговорила Вета и вдруг вскрикнула: – Ой! Заноза в палец попала!

– А ты, девонька, не суй руки куда не надо! – мстительно проговорила соседка.

– Ой, Елена Ивановна, – жалобно проговорила Вета, внезапно вспомнив ее имя-отчество. – У вас ведь дома иголка найдется? Дайте мне иголку, я занозу вытащу, а то очень мешает!

– А ты здесь иголку поищи! – недовольно буркнула соседка.

– Да не знаю я, где у Мефодьевны иголки! – абсолютно честно ответила Вета.

– Вот ходят и ходят в дом, – начала соседка, – а такой малости не признают...

Тут она перехватила пристальный взгляд капитана Острового. Очевидно, взгляд этот ей не понравился, больше того, испугал ее, потому что тетка вдруг как-то съежилась и даже стала меньше ростом.

Подозрения, которые испытывала насчет соседки Вета, перешли в уверенность – что-то тут было нечисто.

– Так дадите иголку? – вкрадчиво спросила она Елену Ивановну.

– Ладно, пошли! – ответила та и пошла к выходу, своей спиной выражая крайнее неодобрение.

Вета направилась за ней. Островой взглянул на нее удивленно, но ничего не сказал.

Войдя в свою квартиру, Елена Ивановна недовольно проворчала:

– Тапки надень!

Вета подчинилась.

Если у Мефодьевны все тапки были огромного размера, то у ее соседки, наоборот, крошечные, как на детей. Вета кое-как влезла в них и двинулась за хозяйкой по коридору. Эта квартира была не такая большая, как у профессора, но коридор все равно очень длинный и узкий, как говорят, «кишкой».

– Здесь подожди! – нелюбезно процедила хозяйка, остановившись перед кухней.

– Ой, Елена Ивановна, мне бы водички! – с этими словами Вета оттеснила хозяйку и пролезла на кухню. Она сама удивилась, как ловко у нее это получилось.

– Стой, куда?! – вскрикнула соседка, пытаясь остановить Вету, но молодость победила, несмотря на то, что эти двое были явно разных весовых категорий. Вета отодвинула хозяйку, встала посреди помещения и быстро огляделась.

Первым делом она увидела красивую чеканную медную джезvu. Джезva была очень знакомая, Глеб Николаевич не раз сам варил в ней для Веты замечательный кофе по-восточному и говорил, что ее подарил ему знакомый историк из Еревана. В последний раз это было, правда, больше года назад, когда старик еще видел...

Тут же рядом красовалась старинная серебряная солонка в форме нарядного домика с черепичной крышей. Солонка тоже была из хозяйства покойного профессора.

И наконец, в дальнем углу стола, Вета заметила Хозяйку Медной горы.

Бронзовая статуэтка торчала из медной ступки. Женщина-змея выглядывала оттуда тоскливо – ей совсем не нравилась перемена положения, не нравилось, что из кабинета ученого она попала на кухню вороватой пенсионерки.

– Ты чего тут высматриваешь?! – взвизгнула Елена Ивановна. – Ты чего здесь шастаешь? Тебя никто сюда не пускал! Ишь какая! Напросилась занозу вытащить, а сама выглядываешь что плохо лежит!

– Это вы сами прихватили что плохо лежит! – ответила Вета, указав на джезву.

Продолжить она не успела, тетка вооружилась веником и бросилась на нее, приговаривая:

– А ну, пошла прочь, прохиндейка!

Вета отступила в сторону, схватила первое, что подвернулось под руку (это оказалась скалка), и ловко отразила удар веником.

– Ах ты, пакость! – заверещала Елена Ивановна. – Ты еще и драться? Да вот же я тебя!

Она провела настоящий фехтовальный выпад, но молодость и на этот раз победила: Вета сделала обманное движение, пропустила соседку мимо себя и ловким жестом нахлобучила ей на голову мусорное ведро.

– Помогите! – завопила из ведра Елена Ивановна. – Полиция!

Голос ее гулко отдавался внутри ведра, по плечам сыпались чайные пакетики и картофельные очистки.

– Вот как раз полиция совсем рядом, – мстительно проговорила Вета. – И я с большим удовольствием сдам вас с рук на руки капитану Островому!

– Сними ведро! – верещала Елена. – Душно мне!

На этот раз ее голос звучал не агрессивно, а жалобно.

– А веником махать не будете? – осведомилась Вета.

– Не буду!

Вета сняла ведро и едва не расхохоталась, так жалко и уморительно выглядела соседка. На голове ее сидела пластмассовая упаковка из-под лапши «Доширак», на ушах вместо сережек висела кожура от апельсина, нос был в томатной пасте.

– Вот что, – проговорила Вета, с трудом сохранив серьезное выражение лица. – Сейчас я отведу вас к капитану вместе со всем, что вы украли у соседей, а там уж пускай он сам решает, как с вами поступить. Думаю, что он вас арестует...

– Не надо, – захныкала старуха. – Как же я на старости лет под суд пойду...

– А воровать на старости лет? Это же мародерство!

– Да подумаешь... – заныла тетка. – И всего-то ничего взяла... уж очень мне эта солоночка понравилась... и ковшичек красивый...

– А статуэтку-то зачем прихватили?

– Орехи колоть... – честно призналась Елена Ивановна, стряхивая с ушей апельсиновую кожуру.

– Орехи! – возмущенно повторила Вета. – Ладно, так и быть, не выдам вас капитану!

Елена Ивановна приободрилась, и тут же в глазах у нее блеснули вороватые огоньки:

– А ковшичек можно оставить? Все одно он Мефодьевне без надобности...

– Ладно, бог с вами, берите. И солонку можете оставить, – вздохнула Вета. – Я с этой Дианой не в лучших отношениях, добро их стеречь не нанималась. Но вот эту статуэтку я отнесу на место!

– Ладно! – отмахнулась соседка. – Все равно она орехи плохо колола!

Вета вернулась в квартиру Глеба Николаевича со своим боевым трофеем, зажатым в кулаке.

Капитан Островой за это время перебрался из кабинета профессора в комнату Мефодьевны и возился там со следами на подоконнике – фотографировал их,

тщательно обмерял, сметал щеточкой в специальный пакет образцы пыли.

Убедившись, что ему не до нее, Вета проскользнула в кабинет. Притворив за собой дверь, она вставила статуэтку в квадратное углубление малахитовой доски. Женщина-змея плотно и надежно встала на свое место. Вете показалось даже, что глаза ее удовлетворенно блеснули, но, возможно, это было просто игрой света. Подивившись тому, как Елена Ивановна сумела вытащить эту статуэтку, Вета отступила на шаг, любуясь старинным бюро.

Хозяйка Медной горы смотрела на нее хитрым и загадочным взглядом, как будто хранила какую-то древнюю тайну...

Ну да, тайну.

Вета вспомнила едва слышный шепот умирающей старухи:

«Надо повернуть змею. Там у него что-то спрятано».

Был ли в этих словах какой-то смысл, или Мефодьевна бредила?

Ну что ж, сейчас у Веты есть возможность это проверить, и больше такой случай не представится...

Она снова приблизилась к бюро, обхватила рукой бронзовую статуэтку и попыталась повернуть ее по часовой стрелке. Статуэтка даже не шелохнулась.

Ну вот, что и требовалось доказать... старуха бредила. Тайники, секретные дверцы и ящики – все это ушло в прошлое, в двадцать первом веке таким вещам не место...

На всякий случай она попыталась повернуть фигурку в обратную сторону, против часовой стрелки...

Ей показалось, что статуэтка в ее руке потеплела, как будто Хозяйка Медной горы ожила.

И действительно, бронзовая фигурка поддалась усилию, повернулась на четверть оборота. В ту же секунду малахитовая столешница пришла в движение, отъехала в сторону, и в крышке бюро открылось квадратное углубление.

Склонившись над тайником, Вета увидела небольшую старинную книгу в тисненном кожаном переплете, и рядом с ней – лист пожелтевшей от времени бумаги, покрытый написанным от руки текстом.

Чернила тоже выцвели, но почерк был крупный, разборчивый. Хотя, разумеется, в старой орфографии, с ятями и твердыми знаками, но Вета в свое время часто имела дело с такими документами и прочла первые слова:

Поелику колесницы некоторым обывателям кормление не обессудьте...

Чушь какая! Полная бессмыслица!

Однако... Глеб Николаевич не стал бы хранить в тайнике бессмысленную записку. Наверное, в ней есть какой-то смысл, просто до него еще нужно докопаться...

Инстинктивно оглянувшись на дверь, Вета достала из тайника книгу и записку и быстро спрятала находки в свою сумку. Затем повернула статуэтку в обратную сторону.

Малахитовая столешница встала на прежнее место.

Теперь ничто больше не говорило о тайнике.

И в эту самую секунду дверь кабинета со скрипом открылась.

Вета вздрогнула, инстинктивно прижала к груди сумку со своими находками и повернулась к двери.

На пороге стоял капитан Островой.

– А что вы здесь делаете? – спросил он подозрительно.

– Да вот, нашла у с... стола деталь от этого бюро... – сообщила Вета с излишней поспешностью и показала на бронзовую статуэтку.

– А... ну хорошо. Но вообще-то посторонних не полагается допускать на место преступления. Вы, кажется, хотели взять документы пострадавшей гражданки Руслановой?

– Ну да, конечно! – спохватилась Вета и направилась в комнату Мефодьевны.

У старухи во всем был идеальный порядок. Страховой полис вместе с остальными документами лежал в верхнем ящике комода. Вета положила его к себе в сумку, в нижних ящиках нашла чистое белье, собрала его в отдельный пакет.

Капитан все еще возился у окна, время от времени поглядывая на Вету. Когда она уже собралась уходить, он проговорил каким-то несвойственным ему, смущенным голосом:

– Я... это... хотел вас поблагодарить...

– За что? – удивленно спросила Вета.

– Ну как же... это вы мне показали след на подоконнике... ну, то есть я потом, может быть, и сам его нашел, но потерял бы гораздо больше времени. Так вот... может быть, мы с вами как-нибудь еще встретимся? Посидим где-нибудь, поговорим... выпьем кофе... Вы мне расскажете про книги...

– Может быть. – Вета усмехнулась. – Мой телефон у вас есть!

Выйдя из квартиры, она поймала себя на том, что вполголоса напевает песенку из детского мультфильма.

От улыбки всем вокруг светлей,

И слону, и даже маленькой улитке...

С чего это у нее такое хорошее настроение? Неужели только оттого, что этот лысый милиционер весьма неуклюже предложил ей свидание? Нет, все же она замужем, и вообще – этот капитан не герой ее романа...

Проходя мимо зеркальной витрины магазина, Вета машинально поглядела туда. И то, что она увидела, не слишком ей понравилось. Волосы растрепаны, и вообще давно пора их красить и стричь. Губы она накрасить забыла. Воротник блузки помят во время сражения с вороватой Еленой Ивановной, на куртке кое-где подозрительные пятна – в квартире покойного профессора теперь такая грязь, как будто там только что стадо слонов прошло...

В витрине не видно, но Вета уверена, что под глазами у нее темные круги, взгляд усталый, потухший, и надо смотреть правде в глаза – может, она и выглядит не старше своих тридцати шести лет, но уж и не моложе ни на день. Так что капитан Островой интересуется ею, надо думать, с какой-то своей целью. Дело хочет побыстрее расследовать и премию получить! Или повышение по службе...

Так что бог с ним... Но вот почему она ничего не сказала ему о своей находке, не показала тайник в бюро?

Вот на этот вопрос она, пожалуй, могла ответить.

Ей хотелось разобраться с этой находкой, выяснить, почему Глеб Николаевич прятал книгу и записку. Вета считала, что это ее долг перед старым учителем. А если бы она показала тайник и его содержимое капитану, он наверняка заявил бы, что это вещественные доказательства, или улики, или еще что-нибудь в этом роде, и забрал бы у нее находки. А потом попробуй получи их обратно!

Нет, Вета не сомневалась, что поступила правильно.

Глеб Николаевич недвусмысленно сказал, что хочет отдать ей все свои книги и бумаги, значит, и эти тоже... Собирался же он сообщить ей нечто важное, да вот не успел. Сказал об этом Мефодьевне перед смертью, а она держалась из последних сил, чтобы передать ей, Вете.

Теперь ей не терпелось внимательнее ознакомиться со своими находками, и Вета решила ехать домой. Полис вполне можно отвезти в больницу завтра, ничего от этого не изменится, а тащиться туда сегодня еще раз просто не было сил...

Свекровь, как обычно, ждала ее в коридоре и с ходу начала воспитательную работу.

– Кажется, мы давно обо всем договорились... – начала она, едва Вета открыла дверь, – нужно просто приходить к ужину вовремя... неужели это так трудно запомнить...

И она демонстративно взглянула на настенные часы, которые показывали – страшно сказать! – без четверти восемь.

Вета даже удивилась, что так мало времени – нынешний день вместил так много событий, что показался ей невероятно длинным. Неужели только утром ее разбудила свекровь и позвала к телефону?

– Ивэтта! – напомнила о себе свекровь. – Я, кажется, с тобой разговариваю!

– Ну что вы ко мне привязались! – крикнула Вета с удивившей ее саму грубостью. – Ну и сели бы за стол без меня со своим дорогим сыночком! Что, без меня в рот ничего положить не можете?

– А Володи еще нет... – Свекровь слегка попятилась от ее слов. – Он задерживается...

– Тогда какого черта тебе от меня надо?! – заорала Вета в полный голос, хотя знала, что соседи непременно услышат крик из прихожей.

Она жутко устала и была голодна – за весь день выпила только чаю с булочкой в музее, да еще Лариска выдала шоколадную конфету из своих запасов. И вот, вместо того чтобы накормить человека ужином, ему начинают выговаривать, едва он переступил порог собственной квартиры! И этот где-то шляется, нет бы мамочку приструнить! Хотя что это она, из-за жены он мамаше и слова не скажет...

Вета дико злилась и даже рада была бы сейчас, если бы свекровь начала орать в ответ. Но та молчала, раскрыв рот и вылупив глаза. За девять лет совместной жизни Вета впервые повысила на нее голос.

– Оставьте меня в покое! – сухо сказала Вета и проследовала в свою комнату, даже не оглянувшись на потрясенную свекровь.

И невольно порадовалась, что мужа нет дома. Нужно было бы сейчас начинать тяжелый разговор, спрашивать, где он пропадает. И правда – где? У нее, Веты, сейчас тяжелый период, она мечется между работой, больницей и ограбленной квартирой профессора, а где муж?

Работа у него не сменная, и вообще заканчивает он рано.

Они вместе учились в университете, муж был на два курса старше. Потом встретились на вечеринке у общих знакомых. Он признался Вете, что в студенческие годы ее не замечал – тихая была, незаметная. Потом похорошела. Это он тогда так говорил, усмехнулась теперь Вета. Так или иначе, они долго встречались, потом решили пожениться. Вета была влюблена и даже свекровь заранее приняла в свое сердце. Свекровь, правда, им не сильно мешала первое время – пропадала на работе, спасала производство.

Муж тоже работал какое-то время в институте, но ушел оттуда, как только защитился. По рекомендации старого приятеля он устроился в частную гимназию преподавать историю и общественные науки. Платили там неплохо, классы маленькие, условия отличные – никаких тебе сквозняков, ломаных парт и запахов из туалета. Коллектив, разумеется, почти женский, поэтому немногих представителей мужского пола ценили и учителя, и родители. Словом, муж в гимназии пришелся ко двору. Рабочий день заканчивался в три часа – никаких тебе вторых смен и педсоветов до полуночи. Муж проводил это время за научной работой – подбирал материал для докторской диссертации.

В свое время Вета пыталась упросить его устроить в частную школу и ее тоже. Муж долго уходил от ответа, отговаривался то болезнью директора, то каникулами, то просто сводил все к шутке. В конце концов, когда пришлось уволиться из школы, Вета поставила вопрос ребром. И получила твердое «нет».

В гимназии не приветствуется семейственность, сказал муж, директор против.

– Да? – удивилась Вета. – Но ты сам говорил, что директор преподает математику, а его жена, завуч, – биологию. И физкультурников у вас двое – муж и жена, муж ведет спортивные занятия для мальчиков – бег, борьбу, а жена преподает девочкам гимнастику.

– И что? – Муж отошел к двери и сложил руки на груди, совсем как его мамаша, когда ей вздумается подражать Наполеону. – Позволь тебя спросить, дорогая, что ты собираешься преподавать детям в нашей гимназии? В школе уже есть один историк, больше не требуется.

– Ты упоминал, что иногда нужна учительница русского, на подмену... – упавшим голосом сказала Вета.

– Но у тебя ведь нет специального образования, – мягко напомнил муж, как будто Вета и сама этого не знала, – в частную гимназию не берут недоучек. Родители очень чувствительны к этому, все педагоги у нас со степенью.

– Даже учительница домоводства? – прищурилась Вета.

– У нас нет домоводства, у нас есть жизневедение, – ответил муж, – и ведет его, к твоему сведению, дипломированный психолог.

На этом разговор был закончен, и Вете пришлось устраиваться в музей истории водопровода. Она тогда очень обиделась на мужа за то, что назвал ее недоучкой. Все же у нее за плечами исторический факультет университета.

А муж был работой доволен – его уважают, да и времени свободного много, можно наукой заниматься. Правда, в последнее время Вета что-то не слыхала от него ничего про научную работу. Но если честно, то она последнее время вообще мужа видела только спящим. Вот-вот, вечером она спит, а утром – он. Но где же он все-таки пропадает? Нет, с этим надо разобраться буквально сегодня! Нет, лучше завтра, сегодня она не в состоянии, сил осталось мало.

И слава богу, что мужа сейчас нет.

Вета именно так и подумала – слава богу, что мужа нет дома, и снова удивилась своим чувствам. Ведь еще, кажется, совсем недавно она радовалась ему, на

душе становилось легче и светлее... она с любовью гладила ему рубашки, готовила его любимые блюда, ей нравилось ждать его и самой открывать дверь с улыбкой, чтобы человек понял, что его ждали с нетерпением и теперь ужасно рады, что он пришел.

Что же изменилось в их отношениях?.. И как давно это случилось? Как-то она упустила тот момент, когда ей стало неинтересно слушать его рассказы о работе. А ему, надо полагать, стало неинтересно рассказывать. А уж слушать ее он давно перестал. Ну в самом деле, что такого интересного Вета могла ему рассказать? Историю водопровода, начиная от античного, «сработанного еще рабами Рима»? Так кто же не знает, что устроен он был очень хитро, что чистая вода из горных речек текла в город сама по себе, без всяких насосов, просто трубы были проложены под небольшим, но постоянным углом. И что, ясное дело, в дома вода подавалась не всем римлянам, а только важным и богатым людям. И как только попадал такой человек в опалу или, выражаясь современным языком, уходил в отставку, сразу же являлась команда рабов, которые перекрывали воду и уносили трубы.

Вроде как нынешние чиновники с машинами. Уволили тебя с государственной службы – будь добр, сдай служебную машину с водителем. На свою пересядь или на общественном транспорте езд.

А в Риме – пожалуйста к фонтану на перекрестке.

«Что за чушь лезет мне в голову? – очнулась Вета. – Вот уж въелись в голову темы экскурсий, даже дома не могу отдохнуть. Надо взять себя в руки и разобраться наконец с мужем, что-то у нас не то в семейной жизни... Не приносит она в последнее время никакой радости...»

Кстати, о радостях постельных. Вета напрягла память и, хоть убей, не смогла вспомнить, когда же они с мужем занимались сексом. Как-то все было не до этого... Она просто замоталась совсем с этими событиями. Да, но муж...

Вета малодушно решила, что додумает эти неприятные мысли завтра, и нетерпеливо достала из сумки содержимое тайника – старинную книгу и пожелтевший лист бумаги. Перед глазами на миг встало укоризненное лицо капитана Острового – что же вы, Иветта Вячеславовна, такую улику с места преступления забрали? За это, между прочим, уголовное наказание

предусмотрено...

«Ах, да отстаньте вы! – мысленно отмахнулась Вета. – Нужна вам эта улика, как рыбе зонтик! Вы все равно ничего не поймете!»

Она говорила с капитаном так невежливо только в мыслях. А наяву не посмела бы. Не потому даже, что побоялась бы хамить представителю власти. Просто он ей нравился. Как человек, разумеется, и больше никак.

Вета решила сосредоточиться на деле и рассмотрела свои трофеи.

Записка по-прежнему казалась ей совершенно бессмысленной, и тогда она раскрыла книгу.

Впрочем, это оказалась не книга в обычном понимании этого слова, а записная книжка, заполненная плотным, убористым почерком с сильным наклоном. Орфография была тоже старая, а чернила выцвели еще сильнее, чем на записке, однако почерк был вполне разборчивый, и Вета углубилась в чтение. Поначалу было трудно, она все время спотыкалась на всех этих «фитах», «ятях» и завитушках, но не зря же она провела много времени, разбирая старые манускрипты и записи.

Вскоре дело пошло на лад.

Медленно переставляя голенастые ноги, идут по пустыне верблюды. Украшенная шелковыми кистями сбруя, яркие попоны, серебряные, глухо звякающие колокольцы, ловко прилаженные тюки с поклажей. Вроде бы медленно переставляют ноги верблюды, а идут быстро, особенно теперь, когда близок оазис, близка драгоценная солоноватая вода. Головной верблюд поднимает грустную губастую морду и трубно ревет – чует близкий водопой, радуется.

Возле каравана гарцуют на красивых текинских лошадях несколько всадников – серебряные стремена, черные одежды, черные шапки, обвязанные яркими шелковыми тюрбанами, дорогие, расшитые серебром пояса, кривые персидские сабли в украшенных самоцветными камнями ножнах.

Начальник всадников, старый опытный воин с длинным кривым шрамом через все лицо, подъехал к третьему от головы верблюду, почтительно поклонился.

Третий верблюд почти не несет поклажи. На его спине, в ложбинке между двумя горбами, в твердом большом седле сидит старая женщина с выжженным солнцем лицом. Перед ней на том же седле, сложив ножки кренделем, устроился ребенок лет пяти в расшитом золотом халате. Лицо у ребенка круглое, как луна, гладкое, как пустыня, спокойное, как весеннее утро. Глаза ясные, голубые, безмятежные. Ребенок держит на коленях мешок из мягкой сафьяновой кожи, держит его бережно, как великую драгоценность.

Начальник всадников, привстав в стременах, коснулся рукой сердца, губ и лба и проговорил с почтением:

- Господин, скоро оазис! Мы напоим коней и верблюдов, вы сможете отдохнуть...

Ребенок повернул к нему голову, взглянул безмятежно, ничего не ответил. Воин смиренно склонил голову, отъехал. Тогда ребенок дернул шнурок, развязал сафьяновый мешок, раскрыл диковинную игрушку – искусно вырезанный из слоновой кости город на холме. Богатые дворцы и красивые дома, тенистые сады и цветники взбирались по склонам холма, а на самом верху красовался удивительный храм – восьмиугольный, с круглым легким куполом...

Ребенок провел пальцем по куполу храма – и на его голубые глаза набежало темное облачко.

Темное облачко показалось вдали, справа по курсу каравана.

Начальник всадников приложил ладонь козырьком, взгляделся, что-то негромко приказал молодому быстроглазому воину. Тот пришпорил коня, понесся в сторону облачка. Верблюды ускорили шаг, почуяв тревогу погонщиков и надеясь все же дойти до водопоя. Всадники выстроились в цепочку, ждали вестей.

Вскоре молодой воин вернулся на взмыленном коне, бросил поводья и выкрикнул, сорвав с лица черную повязку:

– Калмыки!

Начальник стражи озабоченно взглянул на караван, на солнце, принюхался к ветру. Как ни быстро двигался караван, им не уйти от стремительного калмыцкого отряда. Несколькими гортанными окриками, несколькими рублеными жестами он отдал распоряжения. Погонщики верблюдов закричали, верблюды неохотно остановились, легли на песок и замерли, равнодушно глядя перед собой. Всадники выстроились в круг, замерли, ожидая.

Вскоре темное облачко выросло в пыльную стремительную тучу, из которой проступили неистово бьющие в песок конские копыта, бешено оскаленные лошадиные морды, косматые калмыцкие шапки с красными развевающимися кистями, дико ухмыляющиеся разбойничьи лица. Жаркая калмыцкая лава рассыпалась в стороны, охватила караван двумя живыми потоками, двумя кривыми буйволиными рогами. Невысокие, коротконогие калмыцкие лошади били копытами в слежавшийся песок, как шаман бьет в бубен.

Начальник стражи выкрикнул команду, воины обнажили драгоценные дамасские клинки и помчались по кругу, охватив караван живым кольцом сверкающей стали, кольцом мужества.

Калмыки дико, страшно закричали, замахали короткими кривыми клинками, и два отряда сшиблись.

Хрипели кони, звенела сталь, кричали раненые. Тряслись от страха погонщики верблюдов, не ожидая ничего хорошего от исхода битвы. Только сами верблюды равнодушно глядели перед собой – им не было дела до людей, до их вражды, до их схватки. Для верблюдов от нее ничего не зависело – так или иначе, их все равно погонят вперед по пустыне и рано или поздно приведут к воде.

И ребенок в расшитом золотом халате смотрел так же безмятежно, как прежде, как будто его не волновал исход боя.

Защитники каравана сражаются самоотверженно, но калмыков гораздо больше, и исход схватки скоро становится очевиден. Один за другим падают на песок черные воины, текинские кони, лишившись седоков, замедляют бег. Вскоре только старый воин с разрубленным лицом еще остается в седле, но и он весь изранен и истекает кровью. Оглядевшись по сторонам и увидев, что от его

отряда никого не осталось, он спешился и бросился к верблюду, в седле которого безмятежно восседает ребенок со своей нянькой.

Коренастый калмык в мягких сапогах с загнутыми носами, в высокой меховой шапке с красной кистью неторопливо слез с лошади и пошел за ним, переваливаясь, скаля кривые желтые зубы.

Начальник стражи остановился возле ребенка, приложил руку к сердцу, к губам и ко лбу, проговорил срывающимся голосом:

– Прости меня, господин! – и повернулся, чтобы встретить врага лицом к лицу и заслонить собой маленького владыку.

И в ту же секунду длинная калмыцкая стрела пронзила его горло. Старый воин закашлялся, кровь хлынула изо рта, его колени подломились, и он упал лицом в песок.

А калмык, оттолкнув его мягким сапогом, подошел к лежащему верблюду и пристально уставился на ребенка.

Ребенок смотрел перед собой все так же безмятежно, только его указательный палец выводил какие-то узоры по куполу храма из слоновой кости.

Увидев резную игрушку, калмык ослабил и проговорил:

– Шамбала!

Ребенок бросил на него взгляд, в котором промелькнула искра интереса, но тут же отвернулся и взглянул на небо, продолжая рисовать узоры на кровле храма.

Калмык раздраженно сплюнул и поднял саблю, но тут к нему подошел молодой соплеменник и проговорил озабоченно:

– Нойон, идет буря, большая буря!

Калмык недоверчиво оглянулся.

Небо казалось таким же чистым, как раньше, но воздух едва заметно задрожал, заискрился. В то же время верблюды тревожно подняли головы, пригнувшись, и вожак снова громко заревел.

– Надо искать убежище! – настойчиво повторил молодой кочевник. – Если буря застигнет нас здесь – смерть!

– Смерть... – повторил атаман и снова взглянул на голубоглазого ребенка.

Тот улыбался.

Проводив Иветту Сычеву, капитан Островой вернулся в комнату Анны Мефодьевны и снова подошел к окну.

Но на этот раз он разглядывал не следы, оставленные злоумышленником на подоконнике. На этот раз капитан внимательно вглядывался в окна дома напротив, точнее, соседнего флигеля – в те окна, из которых можно было видеть монтажную люльку, которой воспользовались грабители.

Капитан Островой знал, что в большом городе ни одно событие, в том числе ни одно преступление, не укроется от глаз свидетелей. Задача милиции – только найти нужного свидетеля и заставить его говорить.

И вот здесь-то и проявляются способности настоящего детектива. Потому что найти свидетеля трудно, но еще труднее найти к нему правильный подход. Ведь далеко не каждый свидетель хочет раскрывать душу перед милиционером, а очень часто свидетель и сам не понимает толком, что он видел.

Капитан достал блокнот и на чистом листе нарисовал план соседнего здания, на котором пометил крестиками все подходящие окна.

Еще раз оглядев дом, он заметил, как в одном из окон на третьем этаже шевельнулась занавеска и в просвете что-то блеснуло. Что-то очень похожее на бинокль.

Пометив это окно двойным крестом, Островой покинул квартиру покойного профессора, запер ее и опечатал дверь.

После этого он вышел на улицу, обошел дом и вошел в тот подъезд, где располагались нужные ему квартиры.

Начать обход он решил с квартиры, которой принадлежало то самое окно, где заметил подозрительный блеск.

Поднявшись на третий этаж, Островой сверился со своим планом и позвонил в квартиру номер девятнадцать, расположенную слева от лифта.

За дверью слышались неторопливые шаги, и подозрительный голос, скрипучий, как несмазанная дверь, осведомился:

– Кто это? Я никого не жду!

– Милиция! – ответил капитан и раскрыл перед дверным глазком служебное удостоверение.

За дверью на какое-то время воцарилось молчание – видимо, хозяин квартиры внимательно изучал удостоверение через глазок. Затем тот же скрипучий голос проговорил:

– Давно пора!

Замок лязгнул, дверь открылась, и перед капитаном предстал лысый пузатый гражданин в полосатой пижаме.

– Давно пора! – повторил он. – Потому что это злостное хулиганство с особым цинизмом! Ведь люди имеют право на заслуженный отдых, я правильно говорю?

– Совершенно правильно, – на всякий случай подтвердил капитан, хотя и не понял, о чем идет речь.

– Вы заходите, товарищ майор! – пригласил его полосатый гражданин, опасливо выглянув на лестницу. – А то, сами понимаете, соседи у меня очень любопытные,

до всего им есть дело... пойдут, понимаете, ненужные разговоры... и я не исключаю месть с его стороны, а это мне ни к чему, я правильно говорю?

- Вообще-то я пока капитан, - поправил его Островой, входя в квартиру.

- Ну, у вас еще все впереди... так вот, поскольку вы своевременно отреагировали на мой сигнал... я правильно говорю?..

- Извините, как вас по имени-отчеству? - перебил капитан полосатого.

Тот взглянул на Острового с некоторым удивлением, но все же представился:

- Пузырев Степан Степанович! Вы же, как я понимаю, пришли по моему сигналу? Я правильно говорю?

- Извините, много работы! - вздохнул Островой. - Напомните, в чем суть вашей жалобы?

- То есть как? - Степан Степанович заметно огорчился. - Как же вы так приходите... не подготовившись? Суть моей жалобы, точнее моего сигнала, заключается в том, что мой сосед Овсянкин не посещает место основной работы и вообще ведет аморальный и антиобщественный образ жизни по месту прописки, чем категорически мешает людям отдыхать в свободное от работы время... я правильно говорю?

- Извините, не совсем понял! - Островой тряхнул головой, в которой от нудного, скрипучего голоса Пузырева начала набухать тупая боль. - Если он ведет этот самый... аморальный и антиобщественный образ жизни в собственной квартире, это его личное дело... кому это может мешать?

- Как - кому? - возмущенно воскликнул Пузырев. - Вы только взгляните! Вы взгляните! Вы все сами поймете! Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать, я правильно говорю?

Он повернулся, жестом пригласив капитана за собой, и направился в комнату. Островой, сверившись с планом, понял, что это именно та комната, окно которой выходит во двор, и последовал за хозяином. Он решил подыграть тому, чтобы

использовать его как свидетеля.

Комната была обставлена неказистой мебелью семидесятых годов прошлого века – непременно «стенка» с сервантом, тумба с телевизором, обеденный стол, накрытый клетчатой синтетической скатертью, диван-кровать и продавленное кресло.

Возле единственного окна стояла стремянка, на подоконнике лежал большой черный бинокль.

– Вы только посмотрите! – возмущенно воскликнул Степан Степанович, подходя к окну. – Вы только взгляните! Разве в таких условиях можно отдыхать? Я правильно говорю?

Он слегка раздвинул шторы и пригласил Острового к окну. – Вы только взгляните... второй этаж, третье окно справа!

– Но там ничего не видно! – проговорил Островой, взглянув на третье справа окно. Одновременно он убедился, что отсюда отлично видно окно профессорской квартиры, то есть Пузырев действительно может быть ценным свидетелем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/klyuch-ot-grada-na-holme>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)